

Анни Безант

СТРОЕНИЕ КОСМОСА

Лекции, прочитанные на XVIII съезде Теософического Общества в Адьяре 27—30 декабря 1893 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти лекции были прочитаны перед делегатами и членами Теософического Общества, собравшимися на ежегодный съезд в Адьяре, Мадрас, 27, 28, 29 и 30 декабря 1893 г. Целью их было показать ценность учений Е.П. Блаватской как путеводителя, позволяющего проникнуть в затемнённый смысл индусских священных книг, и одновременно оправдать полезность и теософического, и индусского учений. Они должны также показать тождественность этих учений и доказать, что принимающий теософические учения должен принимать и учения Вед и Пуран в том, что касается основ. Показать, что теософия — фрагмент брахма-видьи доведических времён, что Шрути — наилучшее экзотерическое представление брахма-видьи, и что целью Пуран было дать классу, для которого было закрыто изучение Вед, истины, содержащиеся в них, в конкретной форме, лёгкой для усвоения — таковы были идеи, которые я стремилась выразить в этих лекциях.

Принятие мною теософических учений с самого начала означало для меня принятие индусских писаний как месторождения, из которого можно добывать золото духовных знаний. Как философию, теософию можно интеллектуально считать отдельной от индуизма, как и ото всех религий, хотя и воспроизводящей во многих моментах адвайта веданту; но если мы пытаемся извлечь из неё духовную пищу и преподавать её не только в качестве философии, но и в качестве религии, тогда в индуизме, как её самом раннем и полном экзотерическом представлении, наша религиозная потребность найдёт свое самое полное удовлетворение. Я не имею в виду, что набожность не может облекаться в разные религиозные одежды, и что если приверженец какой-то иной религии станет теософом, то он не найдёт в ней нужной духовной пищи. Но если человек придёт к теософии из материализма, как это было со мной, тогда по всей вероятности для выражения своей преданности он примет древние санскритские формы, сохранившиеся в индуизме, те самые, с которыми он интеллектуально ознакомился в ходе своего философского изучения. Меня теософия удовлетворила не только интеллектуально, но и религиозно, а в индуизме религиозная теософия находит самое древнее и самое естественное выражение. Таким образом, изучающий брахма-видью может как бхакта стать также и индуистом, признавая, что и джняна, и бхакти обе необходимы для эволюции духовной жизни.

Эти несколько слов я говорю в объяснение своей позиции как теософки и индуистки, проводившейся в этих лекциях, и в опровержение той абсурдной истории, что я якобы обратилась в индуизм, приехав в Индию. Я стала индуисткой с полным принятием теософии так, как она даётся оккультистами, и с тех пор у

меня не было никаких изменений, за кроме увеличения ясности видения, расширения знаний и всё большего удовлетворения учениями, принятыми мною в 1889 году.

Анни Безант
Лудхьяна, февраль 1894 г.

Глава I

ЗВУК

Братья! Когда впервые великие Писания индусов привлекли к себе внимание европейской мысли, то впечатление, созданное ими, носило какой-то странный и особенный характер. Среди европейских мыслителей возник спор относительно значения и происхождения этой древней литературы.

С одной стороны, признавали, что в ней можно найти глубокую философию; с другой, сама идея искать философию у народа, которого считали менее цивилизованным, чем те, кто делались его критиками, повлекла за собой большие споры о том, как возникли и под каким влиянием составлялись эти священные книги. Даже в наши дни, когда признают всю глубину их философии, и величие и широта их мысли уже не подвергаются сомнению, как например, профессор Макс Мюллер, который всю жизнь изучал эти книги и всё-таки говорит о Ведах, как о лепете младенческого народа. Эти люди отрицают, что в этих книгах заключено тайное учение, скрытое под покровом символизма и под маской аллегории.

Мыслители Запада не могут понять, что можно быть младенческой расой и в то же время иметь Божественных Наставников; что цивилизация может находиться в периоде роста, и всё же руководить ею могут люди, просвещённые для этой цели Божественным Духом. Они не поняли значения Священных Писаний; они рассматривали древнее человечество как массу и не уяснили себе значения тех, кто возвышался над ней в качестве Учителей и Наставников. Пытаясь отыскать так называемое чисто человеческое происхождение Священных Писаний, они жестоко ошиблись в своих анализах, ибо нельзя понять роста нации там, где отмечается в сторону всё божественное, и там, где не признаётся скрытая в человеке Божественная сторона его, нельзя постичь как следует ни философии, ни религии, ни цивилизации человечества.

В своих лекциях я пытаюсь защитить то положение, — попытка моя может быть и очень несовершенна, — что в индусских Священных Писаниях заключается глубочайшая вдохновенная наука, философия и религия и что западная наука медленно вступает на путь, указанный в этих писаниях; и знание, которое Запад черпает из наблюдений внешнего мира, может быть достигнуто гораздо скорее путем изучения тех писаний, где постижение мира начиналось с изучения внутреннего мира человека.

И мы читаем, что в лотосе сердца, в его пространстве, наполненном зфиром, мы можем видеть всё, что находится в мире внешнем.

И небо, и земля существуют внутри его. И Агни и Вайю, Солнце и Месяц... и все остальное, что только есть в мире,¹ находится здесь, и, отыскав дух свой, человек постигнет всё, что существует в Космосе.

Эта мысль не только прекрасна и поэтична, но и строго научна. Действительно, отыскав очи духа, те очи, что проникают сквозь завесу внешней природы, мы достигаем более точного и глубокого знания, чем то, которое получается при изучении всего существующего очами телесными.

На подобии пути исследования большую помощь оказала нам русская женщина, великий учитель, известная под именем Елены Петровны Блаватской.

Значение ее для мира заключается не в том, что она могла или не могла совершать известные действия, недоступные для других. Важно миру и не то, что она творила чудеса или была только фокусницей. Не по этим фактам будет судить ее потомство. Я смотрю на все так называемые чудеса, как на имеющие весьма небольшое значение. Ее истинное достоинство заключается в том, что она разоблачила нам тайну древнего знания, дала нам ключ, которым мы сами можем открыть врата внутреннего святилища. Она явилась к нам, обладая знанием науки Духа, и объяснила, как мы сами можем пользоваться её указаниями. И теперь те, которые изучают эзотерическую философию, известную как Теософическое учение, могут обратиться к Ведам и Пуранам и найти там истины, скрытые от обыкновенного читателя. Она являлась великим учителем, взяв на себя ту обязанность, какую в древности выполнял учитель по отношению к ученику: она брала Священные Писания и, объясняя их внутренний смысл, указывала путь к духовному совершенствованию и давала возможность постичь древнюю Мудрость, которую преподавали только в храмах.

Я попытаюсь показать, каким образом некоторые Писания древних Индусов становятся яснее и понятнее, если читать их в том освещении, которое даётся им в книге, известной под названием «Тайная Доктрина». Я буду защищать это учение, ссылаясь на последние данные современной науки, и покажу вам, каким образом «Тайная Доктрина», которая на самом деле заключает в себе самое древнее индусское учение, подтверждается, с одной стороны, на Западе так называемой наукой, а с другой стороны, на Востоке Священными Писаниями. Писания эти становятся более связными, понятными, все кажущиеся противоречия исчезают в них, если их рассматривать при свете тех тайных учений, из которых миру предоставлен только один отрывок.

Приступая к изложению строения Космоса, я не могу вначале поставить вопрос на научную основу в том смысле, как это понимается на Западе, так как европейская наука не занимается вопросом о происхождении вещей. Она рассматривает лишь проявления, достигшие уже известной степени, и ничего не говорит нам о зарождении Космоса. Она рассматривает мир только тогда, когда уже существует материя, которую мы можем постичь чувственным путем или, по крайней мере, представить в своём воображении на основании чувственных данных.

Тиндаль говорил о пользе воображения для науки; оно позволит нам пойти дальше того, что нам дадут непосредственно наши ощущения.

Теперь уже не утверждают, что истинно только то, что может познаваться внешними чувствами. Лет тридцать тому назад еще защищалось это положение, но оно недопустимо теперь при успехах современной науки. Но вы увидите, что наука до сих пор не признает ничего, кроме тех понятий, которые составил себе разум на основании фактов, собранных путем ощущений; и, когда вы рассматриваете Космос в его проявлениях, вы не должны мысленно выступать за пределы тех чувственных понятий, основанием для которых послужили ваши наблюдения над миром физическим. Вы можете идти далее совокупности видимой вами материи, можете предполагать существование невидимого атома, созданного одним лишь усилием научного воображения, но вы не должны идти далее того, что создало вам это воображение из того материала, который доставили ему его чувства. Крукс, правда, рассматривает строение атома, но и он доводит это до так называемой протила, или первичной материи. Наука не желает идти дальше и проникнуть в начало вещей. Она отказывается поставить вопрос: возможно, что за этим протилом мы найдем еще следы роста и эволюции?

Вот почему, приступая к изложению вопроса, мы только позднее призовем на помощь научную критику, вначале же будем ссылаться лишь на «Тайную Доктрину» и Священные Писания.

А чтобы и с нашей точки зрения доказательство было полно, я хочу сравнить начало вещей, как оно изложено в Шастрах, с изложением его в «Тайной Доктрине». И вы увидите, надеюсь, что связное изложение последней очень поможет вам, когда встретятся непонятные места в изложении разных видов эволюции в Шастрах. Но вы должны помнить, что в тех Писаниях, которые были нам даны в руки, истина нарочно скрывалась от нас. Читая их последовательно, мы не всегда по отрывку можем получить связное понятие о целом, и мы выиграем много времени, если сперва настолько познакомимся с общим, что, встретив какой-нибудь отрывок, будем иметь возможность сразу поставить его на место в воздвигаемом нами здании; иначе, разбрасываясь, мы получим лишь отрывочные знания за недостатком того архитектурного плана, который дает нам Блаватская.

Обратимся прежде всего к Шастрам и посмотрим, как они рисуют нам происхождение вещей. Мы тут найдем большое различие между Пуранами и Упанишадами. В Пуранах больше подробностей, изложенных последовательно; в Упанишадах же вы встретите скорее философскую, чем космическую точку зрения, особенно там, где она, исходя из человеческого духа, показывает отношение этого духа к своему первоисточнику. Это и составляет разницу во взглядах на мир двух больших отделов Шастр; я укажу вам особенно на одно различие, которое иногда приводит читателя в недоумение, так как не позволяет ему согласовать обе точки зрения. Поэтому прежде всего я приведу вам мысль, которая на первый взгляд кажется парадоксом, а именно: до «начала вещей» не допускается существования мысли, ибо появление вещей означает проявление, т. е. дифференциацию. Само слово «вещей» подразумевает уже проявленное существование. Ранее проявления должно существовать Единое. Это признаёт и

европейская наука, которая правильно считает Единое — непознаваемым, а явления — подлежащими наблюдению. Существование того, что находится позади явлений, отрицается очень редко, сравнительно немногими философскими школами, которые видят в мире только массу чередующихся явлений, не опирающихся на присущее им всем Единство.

Обыкновенно там, где наука переходит в философию, Единое считается непознаваемым и недоступным для человеческого мышления, но в индуистском мировоззрении заключается еще более глубокая идея: то, что недостижимо для человеческой мысли, все же находится, так сказать, за пределом проявления и даже далее за и вне Брахмана. Брахман изображается невидимым, недостижимым, непостижимым даже для мысли человеческой, тем, что может быть доказано только верой в душу и за пределом которого находится еще То, что не имеет имени, что можно выразить только описательно, называя его «Вне-Брахманом» — «Пара-Брахманом» философии, «неизменным Вишну» Вишну-Пураны. Его, неизменного Вишну, не выразить ни словом, ни мыслью. Речь и мысль не имеют места в этой области, ибо говорить и думать можно только тогда, когда начинается проявление и когда из этого непроницаемого мрака мелькнёт первый проблеск, который и есть свет — возможность существования проявлений.

Здесь в Писаниях мы приходим к первому из всех проявлений, о котором говорят — это надо отметить — иногда как о Проявленном, иногда как о Непроявленном; непроявленном в Себе Самом, но проявленном в акте зарождения. И мысль наша, так сказать, восходит к Брахману, хотя Сам Брахман и непостижим для человеческой мысли. Мы видим, что в обоих великих источниках знания, Упанишадах и Пуранах, о Брахмане говорится, что Он троичен в себе Самом, хотя и не троичен в прямом своем проявлении. Единое, но со скрытой внутренней троичностью появится в постепенном ряде проявлений и сделает возможным существование вещественного мира. Брахман троичен в самой своей сущности. Возьмите Таиттирия упанишаду, где о Брахмане упоминается, как об Истине, Знании, Бесконечности, или, в более знакомых нам выражениях, как о Бытии, Блаженстве и Мысли. На самом деле в этих словах заключается тоже понятие Сат-чит-ананда, столь обычное, когда упоминают о Высшем; это лишь другое выражение для того, о чем говорится в Упанишадах. Ибо что такое Сатьям, Джнянам, Анантам?² Это только различные слова, которыми люди тщетно пытаются выразить одну и ту же сущность в ее трояком проявлении. Все эти проявления скрыты в Первой Эманации; начало Космоса и есть раскрытие в проявлении этой троичности, начавшаяся деятельность скрытых в ней потенций.

В Вишну-Пуране встречается та же мысль о скрытой троичности; первое проявление Вишну есть Кала, Время, ни дух, ни материя; оно существует, когда эти два последних исчезли в нем. Во второй главе Вишну-Пураны говорится, что существует Прадхана, составляющая сущность Материи и Пуруша — сущность Духа. Когда эти последние исчезают, остается Время, одна из форм Вишну. Отсюда понятие о времени без начала и конца, находящемся, так сказать, позади последующих проявлений, соединяющем их и делающем их возможными.

Здесь мы подходим ко второй стадии, которая в этой Пуране описывается под именем Прадханы-Пуруши, основная материя, основной дух — из Единого — Два,

что и означает проявление; поэтому-то о Брахмане и говорится в то же время, как о Непроявленном и о Проявленном. Он непроявлен Сам в Себе; Он проявляется только тогда, когда появляются Два из Единого, и эта двойственность делает возможным существование Космоса.

В разных книгах различно выражена та же мысль о двойственности, на которой так настаивал Субба Рао.³ Смерть его должны оплакивать все философы — он много мог бы еще достигнуть своими трудами над раскрытием тайного смысла обнаруженных учений.

Мулапракрити и Дайвипракрити являются индусскими выражениями для того, что греческое мышление именует Логосом — в проявлении. Прадхана определяется как Вьяя, растяжимая. Ее нельзя начать описывать, ибо свойства ее еще не проявились, но у нас уже есть одно определение, а именно растяжимость, которая всегда означает возможность получения формы. Таким образом, в этом Втором, Проявленном из Единого, заключается сущность формы, то, что примет разные виды, и то, что произойдет в этой форме, — Пуруша, облакающийся в образ, действующий на Прадхану и делающий возможным все многообразие проявлений мира.

Далее, все в той же Вишну-Пуране, идет третья стадия, или Махат, то, что должно стать силой, управляющей и руководящей тем, что мы можем назвать Верховным Управителем, который в каждом отдельном случае будет управлять эволюцией мира, даст ему бытие и сделает его разумным от начала до конца.

Здесь я не могу не напомнить вам, что ту же мысль высказал недавно профессор Гексли, когда он говорил о «Разуме, обнимающем весь мир», тогда как раньше он проповедовал агностицизм. Он вынужден был признать существование Рааума, как всепроникающей начала, тождественного по существу с Махатом, разумом безграничным, кроме той границы, которая ставится ему самым фактом его проявления.

Эти три стадии, так ясно и определенно описанные в Вишну-Пуране, трудно проследить в Упанишадах; но прежде, чем покончить с изложением этого вопроса в Пуране, надо заметить, что троичность является только раскрытием того Единого, Сатчитананда, которое мы видели скрытым в Первом. Мы их различали, рассматривая их как троицу. Первое из них будет Сат — абсолютное существование. Что же такое то, Второе, Двойственное, как ни Ананда, ибо самый факт блаженства предполагает двух? Что такое Махат, как ни Чит в проявлении? Таким образом, оно является настоящим процессом раскрытия: все, что скрыто в Едином, является проявленным в Троице.

В Упанишадах несколько туманно говорится об этом раскрытии. Там заметно стремление перейти прямо от Брахмана, где скрыто всё, к Духу в человеке, Брахману в сердце, Логосу каждой отдельной души. Но тем не менее и в Упанишадах есть намеки на ту же мысль, которая разъясняется в Пуранах. Если мы возьмем Мундака упанишады, мы увидим, что там сказано, что из Брахмана произошла жизнь, которая и есть Ананда, а также ум — Чит; затем идут пять

стихий: эфир, воздух, свет и пр.⁴ Получается тот же порядок, хотя автор и не настаивает на нем, так как он не намерен объяснять раскрытия Космоса.

В Брихадараньяка упанишаде мы опять находим Троицу: Жизнь, Имя и Форма. Из Жизни происходят Два, а Жизнь скрыта в Имени и Форме, т. е. Первое скрыто в своем двояком проявлении. Ту же мысль вы встретите и в Катха упанишаде где описано постепенное отыскивание Духа. Когда через Манас мы перейдем к Буддхи, от Буддхи к Атме, за Атмой идет уже непроявленное, а за этим последним Великая Душа, именуемая тут Пурушей.

Отсюда знаменательный вывод, что между духом в человеке и Тем, за которым нет ничего, признаётся только одна стадия, а именно — Непроявленное. Что подразумевается под этим единством, заменяющим троякое представление? Этим указывается тому, чьи очи открыты, что между Духом в человеке и Непознаваемым существует только Единый, ибо Логос души один, один и тот же луч, отражением которого в сердце является Дух. В Упанишадах, которые стремятся представить единство Духа с его повелителем, игнорируется всё, кроме этого одного Логоса, которому принадлежит Дух, и самый Космос исчезает в своем многообразии, когда Дух пытается отыскать свой первоисточник.

От этого краткого обзора Священных Писаний перейдем к Тайной Доктрине — я разумею книгу под этим заглавием; мы увидим, что все самые запутанные учения представлены тут в такой простой и ясной форме, что книга эта может служить нам ключом к более трудным изложениям индуcских Писаний. Она всецело построена на тех же основаниях, что и Шастры. Прежде всего мы найдем у Блаватской ссылку на Пара-Брахмана, о котором не может быть сказано ничего, затем идут три Логоса. Слово «Логос» приводится здесь, как более знакомое философам Запада; оно имеет особое значение в астрономии Космоса, как мы увидим это впоследствии, когда будем рассматривать Звук.

Самое слово «Логос» подразумевает Строителя, тем более, что произнесенный звук есть великий строитель всех проявленных форм. Мы видим, таким образом, последовательность этих трех Логосов, которые являются иным названием древнего Тримурти в Священных Писаниях Индии; ему дано имя Первого Логоса, непроявленного. Первый непроявленный появляется для того, чтобы исчезнуть, ибо по отношению к Космосу Первый Логос не проявлен; он может стать явным только духу человеческому, составляющему одно с ним. Затем Единое разделяется на Два, и на языке Запада, двойственность эта именуется Дух-Материя, не Дух и Материя, ибо тут вы имеете только два вида Единого. Если вы разделите их мысленно в самом начале, у вас получится ложное представление. Мир не развивается из Духа и Материи как двух различных понятий — он является только эволюцией Духа-Материи Единого в двух видах. И в этом Втором вы получаете уже, как я сказала, вид Ананды (Блаженства).

Блаватская очень настаивает на этом основном единстве, которое становится двойственным уже в проявлении Духа Материи, Пуруша-Прадхана. Они являются только двумя первичными видами Единого, не имеющего Второго. Затем намекая внимательному ученику на символ, при помощи которого он может уяснить себе

эту основную тайну Космоса, автор разбирает символическое значение Луны и в отделе о Луне неожиданно говорит следующее:

«Лунный магнетизм рождает жизнь, сохраняет, разрушает её, и Сома олицетворяет тройкое свойство Тримурти, хотя простой смертный проходит мимо, не понимая этого»⁵.

Немного далее Е. П. Блаватская говорит об «Единой божественной Сущности, непроявленной, вечно созидающей из себя самой Второе, Я проявленное; двуполой по природе своей, непорочно рождающей всё, что только ни есть микро- и макророкосмического в этом мире».

В этих словах, где может показаться странным упоминание автора о Луне, мы имеем ключ ко многим аллегориям, которыми объясняется непонятное происхождение строения Космоса. С одной стороны, свет, с другой — вода; всюду огонь и вода как начала, строящие Космос. Но огонь и вода, это только другие наименования для Духа и Материи, выражающие двойственность Второго Логоса. В этом втором проявлении огонь — это Дайвипракрити, или Свет Логоса. Вода — проявление Мулапракрити, или корень всякой Материи. Они развиваются по этим двум направлениям, и Луна, как это известно всякому ученику, изображается обыкновенно двуполой, иногда только женского, иногда только мужского пола, сегодня как Бог, Царь Сома, завтра — как Богиня.

Размышляя о Луне, мы представляем себе две её стороны, положительную и отрицательную, то, что в нашем мире отличает оба пола. У нас, таким образом, всегда получается эта противоположная двойственность, без которой ничто строиться не может, ибо мы должны иметь начало пассивное, которое питает мир, и активное, которое оплодотворяет. Иначе не может быть размножения, не может быть и проявления мира.

Третье есть Махат, название мыслящего начала, интеллекта, мысли, которые должны находиться в корне каждого существования. Здесь опять-таки в основе него лежат жизнь и мысль. Где только есть атом проявленного существования, есть в нем и двойственность, которую он получает из своего источника, ибо из двойственного должно возникнуть двойственное, и неживая материя, и бесчувственная энергия существовать не могут. Это невозможно в мире, рожденном от жизни и мысли. Эта троица в глубочайшем смысле заключает в себе семь видов, ибо в трех заключено семь; точно также и в Тримурти мы отыщем заключенные в ней семь видов, если будем размышлять о ней. Ибо в каждом лице Тримурти мы должны признать двойственное, если будем рассматривать его со стороны Шакти, и наша троица станет уже шестью. Представляя себе Единое, мы в проявлении его всякий раз должны представить себе Двух; Вишну не может быть без Лакшми, Шива без Дурги; мы всегда видим обе стороны, и, размышляя о Тримурти, мы на самом деле мыслим о шести, седьмым же будет то, что совмещает в себе их всех и без чего не могло появиться их разделения.

Итак, Космос в самом основании своем семеричен, только наша непроницательность мешала нам это видеть.

Достигнув стадии Махата, или разума, мы сразу доходим до возможности проявления. Тут можно сослаться и на западную науку. В слове Махат мы имеем тройную Аханкару, знакомую по существу всякому, кто изучает Бхагавад-Гиту и кто занимается вообще философией. Это начало истинное, или чистое, активное, или светлое, темное, или стихийное, та материя в трех видах, которая необходима для дальнейших проявлений и в которой, как мы увидим, появится и многообразие.

Вернемся к Вишну-Пуране; мы узнаем, что элементы появляются от свойства тамаса; это не те элементы, о которых говорит западная наука, но пять стихий древности. На английском языке не существует выражения, равносильного слову Бхутади. Из Аханкары происходит мир материальный; сперва появляется Акаша, а уже из этой последней воздух; из воздуха — огонь, из огня — вода, из воды — земля. Почему принят такой порядок? Прежде всего появляется Акаша. Сказано, что характерным ее признаком служит звук. Зачатки звука уже появились, а это и составляет единственное свойство Акаши. Затем идет воздух. В каком смысле следует понимать здесь воздух? Это, конечно, не атмосферный воздух и не тот воздух, который появляется позднее, — соединение газов, в которых уже есть атомы. Тот «Великий Воздух», о котором говорят Упанишады и Пураны, это дыхание Всевышнего, сущность движения, ибо только с появлением понятия о движении становится возможным какое-либо проявление. Итак, прежде всего мы получаем Акашу, единственным свойством которой будет звук, затем движение, в которое приводится Великим Дыханием, и уже в Акаше, находящейся в движении, появится звук. Потом второе чувство — осязание, а уже из звука и осязания, т. е. Акаши и воздуха, происходит огонь, для появления которого необходимо трение дыхания с Акашей. Это и есть электричество, без которого не может быть дальнейшего роста. А пока нет Акаши, способной через дыхание принять известную форму и через электричество, вызванное дыханием, начать устроиться в форме через сцепление, — до тех пор не получится атомистического строения. Только при этом последнем получается земля и вода. Это жидкое и твердое проявление того, что до сих пор носило название «нематериального». Заметим эту последовательность в развитии наших чувств. Первое из проявлений соответствует слуху, второе — слуху и осязанию, второму из чувств. С огнем появляется и свет, относящийся к зрению, и мы имеем уже слух, осязание и зрение. Далее идет вода, имеющая отношение ко вкусу, так как без смачивания нет и вкуса; теперь уже перед нами четыре чувства. Наконец идет земля, существенным свойством которой является запах, различаемый обонянием, последним из чувств, которое развилось на физическом плане и которое поэтому будет первым на астральном плане, когда душа вернется назад в поисках себя самой.

Поэтому-то Блаватская и говорит нам, что акаша есть то, что произошло из третьего Логоса и свойством чего будет звук. Тут на сцену является современная наука. В этом понятии об Акаше, на которую влияет Великое Дыхание, чтоб из этой Акаши и Вайя мог появиться огонь, мы уже встречаемся с самыми позднейшими теориями и открытиями науки и генезисом элементов, другим термином, означающим строение Космоса. Мы можем изучать все это на Западе по трудам Крукса.

В первом томе своей «Тайной Доктрины» Блаватская много говорит об этих открытиях Крукса, поскольку они были известны в ее время, и указывает на некоторые недостатки в них. Замечательно, что только к концу ее жизни, а именно за два месяца до её смерти в 1891 году, Крукс перед собранием выдающихся английских ученых подтвердил, что то, что было гипотезой, теперь уже достоверно, и что эти гипотезы могут повести, по его мнению, к дальнейшим открытиям.

Что же это за великое открытие, которое поставит имя Крукса в ряду с величайшими мыслителями и учеными нашего времени, как выразился один из его слушателей.

Открытие это состоит в том, что атом не вечен, что он произошёл от чего-то а не существовал изначально; что он разрушим, следовательно, и явился на свет, ибо вечно только неразрушимое. Это последнее положение признает всякая философия. Крукс показал, что атом можно считать двойственным нейтральным телом, образовавшимся из соединения положительного и отрицательного элементов в природе. Он считал атом устойчивым, именно благодаря этой своей двойственности, так как устойчивость его зависит от связи двух элементов. Таким образом, атом служит, так сказать, кирпичом в строении мира. За атомом он поставил нечто, названное им «протилом». Название это Крукс заимствовал от одного средневекового европейского оккультиста, Рожера Бэкона, который называл этим именем первичную материю. Желая описать строение этих атомов, Крукс вынужден был обратиться к протилу как к первичной материи. Заметьте, как он идет тут по пути древнего мышления, когда он прибегнул к движению, т. е. Великому Дыханию, второму элементу после Акаши, без которого она осталась бы неподвижной и ничего не развила бы из себя.

Допустив протил и движение, он устанавливает и нечто третье — силу, родственную электричеству, которая, по его словам, пролагает себе спиральный путь через пространство, наполненное материей.

На этом пути атомы возникают один за другим через сцепление протила и группируются таким образом в определенные химические классы, смотря по положению, которое они занимают в спирали, начертанной электрической силой. При этом движении неизменно получается спираль. Почему это? Возьмем движение в одном только направлении. Когда оно совершается через материю однородную, то оно сжимается и, уплотняясь, теряет теплоту. Такое падение температуры — явление обычное. Это один из самых обыкновенных опытов элементарной химии; когда материя переходит из одного состояния в другое, из газа в жидкость, из жидкости в твердое тело и обратно, она выделяет теплоту, которая может перейти и в скрытое состояние.

Возьмем простой пример: если лед тает, то скрытая при этом теплота достигает до так называемых 100° прежде, чем будет заметна какая-либо перемена во внешнем виде льда или его температуре. Что же произойдет, когда при отвердении элементов изменится температура? Линия, изображающая движение, переменит направление, так как с падением температуры изменится и движение. Если вы пожелаете изобразить это движение, у вас уже не получится прямой линии, линия

эта будет уже составной двух сил, двигающихся по разным направлениям, т. е. спиралью.

Оттого-то древний символ Змеи, столь обычный в нашей литературе, и представляет собой самое замечательное изображение спирали, которая вечно крутится и представляет образ космического движения. Этим символом наши великие ученые обозначали мировую силу, и генезис элементов идет по этой спирали змеиного движения. Блаватская называет это движение спиральным движением Фохата в пространстве; в этом Фохате заключены все силы, и от него же происходит и сила электричества.

За этим следует Звук. Вы не можете получить движения материи, не вызвав в ней колебаний, а всякое колебание в сущности есть звук; оно может видоизменяясь перейти в звук, и древнее выражение о змее, которая шипя ползет в пространстве, имеет совершенно реальное значение.

Поэтому-то первым свойством, появляющимся в Акаше, будет Звук, Слово, Логос. Припомните опять, как Субба Рао просто и красиво выражал эту мысль, когда говорил о произнесенном звуке, о сказанном слове, там, где речь идет о Фохате как орудии слова. Он говорит, что сказанное слово есть Вайкари Вак, т. е. Космос в его объективной форме.⁶

Весь мир есть не что иное, как произнесенное слово, которое скрыто в непроявленном Логосе и произнесено во Втором. Вот это-то произнесенное слово и есть объективный Космос. Итак, и в Космосе, и в человеке одинаково заключено это свойство звука, без которого не может быть формы, звука-строителя формы, рождающего ее. Всякий звук имеет отдельную форму и заключает в себе тройное свойство: одно, рождающее форму, другое — удерживающее ее, и третье — разрушающее ее.

Тут опять мы видим Тримурти в качестве Творца, Хранителя и Разрушителя; они все составляют одно в трех видах, ибо Божественное Едино, какова бы ни была форма его проявления. Здесь именно мы можем сопоставить древнее мышление с современным: Шабда Брахман — это сила, строящая Космос, и в то же время та самая, посредством которой Йог обращает внутрь себя все силы, заключенные в нем самом.

В подтверждение того, что звук является строителем формы, мы можем привести несколько научных фактов, которые для многих покажутся более убедительными, чем те глубокие реальности, только внешним проявлением которых являются эти факты.

Что касается звука, то факты, собранные современной наукой, ценны для нас не потому, что могут нас научить чему-нибудь, а потому, что они позволят убедить тех, кто не понял смысла Писаний. Наука рассматривает только внешние проявления, тогда как Священные Писания проникают в их сущность.

Каковы же факты, доказывающие положение древних писателей, что звук находится в основе всякой формы, и многообразие формы зависит только от различия звуков?

В старину производили один опыт со звуком; опыт этот неточный, но тогда его считали удовлетворительным. Возьмем обыкновенный барабан с натянутым на него пергаментом, который дает звучащую поверхность. Если провести скрипичным смычком по краю барабана, послышится звук, характер которого будет зависеть от степени натяжения пергамента и многих других, неважных для нас условий.

Произведя этот простой опыт, пожелали узнать, что происходит при этом, и для наглядности опыта поверхность барабана посыпали песком; затем провели смычком по краю барабана и повторили это во всех точках барабанной окружности.

Нельзя не признать, что европейская наука отличается замечательным терпением и повторяет все тот же опыт, пока не добудет факта. Это весьма важно, так как только таким образом и могут быть добыты факты.

Во всех частях круга, где мы провели смычком, песок был подкинут вверх и при падении ложился неровно, образуя геометрические фигуры. Таким образом, звук, разбрасывая песок, придавал ему разные очертания, смотря по характеру звука, который смычок извлекал из окружности.

По мере того, как разные части на окружности издавали созвучия основной ноте, получались разные фигуры. Проведя смычком в одной какой-нибудь точке барабанной окружности, вы получите деление его поверхности на четыре части, что соответствует звучанию всей поверхности, т. е. основному тону. Извлекая призвуки или гармонические тоны, вы получаете более сложные геометрические фигуры. Продолжая это исследование призвуков, как их называют, мы увидим, что всякая нота состоит не из одного, а из весьма сложного звука, который может разлагаться. То, что кажется нам простым, на самом деле весьма сложно. Когда вы извлекаете какую-нибудь одну ноту, на самом деле вы извлекаете и другие звуки, и опытное ухо может различить эти призвуки или обертоны, которые не изменяют характера звука. При этом заметили, что характер звука или распадение его на части, наглядно изображено фигурами на песке. Тогда начали искать еще более тонкие различия и грубый песок, и плохо звучащий пергамент заменили порошком плауна и более тонкой материей. Плаун является наилучшим материалом для таких опытов; он до того легок, что малейшее колебание вызывает в нем изменение формы. Пробовали и стальные камертоны, которые дают разные звуки.

Через увеличительное стекло волшебного фонаря посредством зеркал получали отражение рисунка вибраций на полотне, и тогда малейшие невидимые колебания камертона в увеличенном виде давали самые причудливые рисунки. Каждое изменение звука вызывало изменение в этих замечательных рисунках. Поэтому, когда вы исполняете музыкальную пьесу, вы чертите в эфире и окружающем вас воздухе удивительные рисунки. При этих опытах всякие звуковые колебания

отражались на полотне, невидимое становилось видимым, и сила звука была одинаково ясна, как слуху, так и зрению.

Производили еще и другие опыты, и г-жа Watts Hughes доказала, что получаются еще более сложные рисунки, если извлекают целый ряд последовательных звуков из инструмента наподобие рога. Тогда получаются рисунки, похожие на травы, ветки, цветы, — и всё это чертит голос человеческий.

Чтобы узнать, как это происходит, придумали очень остроумный аппарат, в котором качаются два маятника, причем каждый имеет свое особое движение. Эти маятники сталкиваются, и движение одного изменяет движение другого. Карандаш, прикрепленный к рычагу, который движется по направлению, образующему составную движений сталкивающихся маятников, чертит на бумаге самые сложные рисунки и отмечает последовательные движения. Получались причудливые очертания раковин, сложные геометрические фигуры с точно обозначенными углами и кривыми. Но так как колебания одного звука совершаются всегда в одном направлении, а маятники просто качались взад и вперед, то сталкивание, изменявшее направление их движения, и служило точным повторением настоящих колебаний, которые сталкиваются и взаимно меняют одно на другое. В результате выходили эти удивительно сложные рисунки, точное географическое изображение тех изменений, которые получаются от перекрещивания колебаний, причем каждое из них совершается все в одном и том же направлении. Когда световые волны пересекают друг друга, то совершенно таким же образом получаются различные цвета.

Там, где световая волна прервана пересечением ее другой волной, тотчас появится цвет. То, что мы называем окраской перламутра, есть только результат мельчайших неровностей поверхности, причем происходит перекрещивание световых колебаний. Маятники отмечали интерференцию звуковых колебаний.

Итак, наука показала нам, как строились формы посредством звука. Наблюдая природу, нас поражает странный факт: мы повсюду встречаем геометрическое строение. Возьмем кристаллы у минералов. Каждый из них построен по известным осям направления, и форма кристалла зависит от этих осей. Простейшие кристаллы построены по простейшим линиям, и чем сложнее кристалл, тем многочисленнее оси, центр которых находится среди кристалла.

Все кристаллы построены по этим осям и различаются строением этих осей.

Итак, в мире минералов мы отмечаем это геометрическое строение. Но кристалл нельзя отделить от кристаллоида, форма которого та же, что и у кристалла, только он встречается в мире растительном.

В природе минералы уже не отделяются от растений, только у этих последних кристаллы состоят из другого материала и носят название кристаллоидов.

Здесь опять находим те же оси и можем определить геометрические формы, из которых построен растительный мир.

Изучая растения, мы пойдем еще дальше. Возьмем, например, ветку какого-нибудь дерева, отметим и изучим расположение на ней листьев. Вы увидите, что листья расположены по спирали. Спираль и тут играет роль силы образующей; она располагает листья иногда очень просто, иногда сложно. Возьмем ветку обыкновенной яблони, столь распространенной в Англии.

На ней спираль образует то, что мы определяем как $2/5$, т. е. спиральная линия в каждом двух своих оборотах включает пять листьев. Если взять веревочку и обвести ее дважды вокруг ветки, мы увидим, что веревочка пройдет у основания пяти листовых черешков, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. На другом растении вы встретите другое расположение листьев, но они опять-таки расположены по спирали. То же найдем и на третьем.

Выбрасывая листья, растение подчиняется всегда этому закону спиральной расположения их, и то, что на первый взгляд кажется неправильным, на самом деле совершается по геометрическому плану.

Здесь нет неправильностей. То, что представляется наиболее неправильным, есть только ряд сложных пересекающихся друг друга спиралей. Часто вместо одной спирали их две, иногда три. Расположение листьев по этим спиральям, которые пересекаются вокруг веток, кажется на первый взгляд совершенно беспорядочным. Но то, что кажется хаосом нашим чувствам, то разуму представляется Космосом. В этом кажущемся хаотическом нагромождении вы всегда можете найти геометрический план. Разве не справедливы слова Платона: «Бог — геометр»?⁷ И не то же ли сказано в Писаниях, что все формы происходят от звуковых колебаний? Разве это не подтверждается современными научными открытиями?

Звук не только созидает, но он и уничтожает. Странно, что одна и та же сила дает результаты противоположные. Когда это говорила религия, люди насмеялись над ней; теперь, когда наука повторила то же самое, они должны были согласиться с ней. То, что казалось в религии недопустимым противоречием, наука примирила в своих исканиях всеобъединяющей истины. Почему бы и нам не приложить той же теории к кажущимся религиозным противоречиям? Почему не исследовать нам ту сокровенную истину, при свете которой противоречия являются только двумя аспектами, как бы двумя сторонами одного щита.

Итак, то, что строило форму, оно же и уничтожает ее; там, где тончайшие колебания строят, сильные разрушают то, что соединили слабые. А так как форма не есть что-нибудь устойчивое, а состоит из частиц, разделенных пространством, то звуковые колебания, заставляя их дрожать все сильнее и сильнее, тем самым все больше и больше разделяют их; когда притягательная сила, удерживающая их вместе, нарушится, форма распадется.

Возьмем стакан и отыщем его основную ноту: это легко узнать, наполнив стакан до половины водой и проведя смычком по краю его. Мы увидим, что вода разделится. Возьмем ту же ноту на другом инструменте, на котором можно извлечь более сильный звук; мы услышим, как стакан повторит этот звук и вода в нем начнет колыхаться, хотя никто и не трогал её. Звук усиливается, струйки

воды, указывающие на действие звука, делаются все шире и шире, бурлят и, ударяясь друг о друга, вместо гармонии вызывают бурю; наконец волнение становится настолько сильным, что стенки стакана уже не могут их выдерживать и дрожат по всем направлениям.

Тиндаль брал ледяную сосульку и, потирая ее, извлекал из нее звук, при усилении которого сосулька дрожала и разбивалась на круглые осколки, свидетельствовавшие о силе звука, который издавала сама сосулька. Повсюду мы видим доказательства того, что звук строит и разрушает формы, являясь, таким образом, то создателем, то хранителем, то разрушителем их. Я назвала его и хранителем, ибо ничто не существует без звука. Все находится в непрерывном движении, один вид движения создает форму, другой — оберегает ее, третий разрушает; а разрушение одной формы — это создание другой. Движение, разрушая одно, в то же время создает другое. Уничтожения нет, ибо всякая смерть в одной сфере — есть рождение в другой.

Покончим же этот беглый обзор части строения Космоса и свойства звука, показав как строение это оправдывает то, что считали безумными предрассудками и лепетом невежественного народа по отношению к звуку. С тех пор, как существует Индуизм, священному слову приписывалось могущество, заключающееся в самом звуке его. В этом Священном Слове заключены все потенции, ибо слово это выражает Единую Сущность, всякое свойство созидающее, сохраняющее и разрушающее. Поэтому-то и было запрещено небрежное произнесение этого Слова; запрещалось говорить его среди толпы, оно не должно было звучать там, где собралось вместе много людей, где существуют поэтому смешанные и враждебные токи, создающие смешанную атмосферу, где всякий сильный звук вызовет смятение, а не гармонию. Произносить его можно только, когда ум чист и спокоен, там, где жизнь благородна, где звук действует на сферу гармоничную и где он может явиться создателем. Если же звук будет оказывать действие на среду негармоничную, он будет только разрушать. Великое Дыхание, чистое по существу, исходит ритмическими колебаниями, и все, что заодно с этим ритмом, тоже чисто по существу и поэтому гармонично. Но там, где Великое Дыхание, оказывая действие на материю, встречает на своем пути препятствия, там появляется нечистота, дисгармония.

Если человек нечист, т. е. негармоничен в атмосфере исходящего из него дыхания, которое является только отражением Всевышнего, тогда произнесение имени Всевышнего означает призывание гибели на свою собственную голову, желание своего распада. Тогда человек направляет Божественную силу в среду негармоничную, и всё, что не имеет ничего общего с Божественной гармонией, будет уничтожено. Это справедливо не только по отношению к священному Слову, но и к той мантре, которая повторяется при созидании чего-нибудь. Подумали ли вы когда-нибудь о том, что означает мантра, которая повторяется при зачатии новой жизни в утробе матери? Это делается для того, чтобы присущие этим мантрам созидательные силы подействовали на зарождающуюся новую жизнь и, возбуждая в ней гармоничные колебания, сделали бы существо, которое должно родиться, достойной обителью благородной души.

Почему религия для индуса начинается с момента зачатия? Потому что Дух не может оставаться без религии, и, когда он проникает в человека при его зарождении, необходимо, чтобы религиозные силы окружили его и помогли ему создать земную обитель. Священные звуки приветствуют новорожденного в этот мир проявлений, чтобы окружить жизнь его гармонией и в самый момент рождения дать ей толчок для гармонического развития. Эта гармония должна постепенно придать форму вырастающей жизни. Когда же настанет время для Духа непосредственно влиять на тело, это отмечается обрядом посвящения, и ребенку-индусу указывают на ту мантру, которая будет руководить его жизнью. И мантру эту дает ребенку тот, кто знает основную ноту его жизни и способен указать ребенку те звуки, в каких он нуждается для сохранения гармонии на всю жизнь.

Тут же звук получает великое свойство охранять. Когда жизни угрожает опасность, звук может уберечь от нее. Если человеку грозит видимая или невидимая опасность, шепот этой мантры станет между жизнью человека и этой опасностью, создавая гармонические волны, которые силой своих колебаний, оттолкнув от человека всё злое. Мантра отбросит всякого приблизившегося к нему врага. И это будет продолжаться до самой смерти. Всю жизнь человека мантра, спетая утром, будет давать тон целому дню, и день этот будет звучать в гармонии с тем звуком, с какого он начался. Когда же кончится день индуса и солнце зайдет, снова раздастся это пение, чтобы претворить в гармонию всё, что накопилось за день негармоничного, и Дух в ночи мог бы воспарить к своему Господу.

А когда наступит смертный час, и Дух должен будет перейти в другие мировые сферы, — и тут опять пение мантры будет сопровождать его. При обрядах Шраддха происходит особое пение, которое должно разрушить темницу души и уничтожить тело, рожденное по ту сторону смерти и держащее душу в плену. И на самом пороге Девалоки пение провожает душу до перехода ее в Локу, где Дэвы в своей обители окружают ее вечным океаном гармонии. Там не существует земных раздоров, там звук охраняет покой души и вечное её блаженство, пока Слово не вернется опять на землю, чтобы опять способствовать созданию гармонии в природе.

Глава II

ОГОНЬ

Братья! Когда мы изучали вчера строение Космоса, мы видели, что Великое Дыхание является той двигающей причиной, которая придает акаше её первичный признак — свойство звука. Будем ли мы рассматривать вопрос с точки зрения восточного знания или же применим к нему опытный метод Запада, мы одинаково придем к тому, что различия в данных, добытых путем ощущений, состоят в различной передаче сознанию внешних импульсов, которые в сущности составляют одно. Результат Великого Дыхания, приводящего в действие Акашу, может выразиться разное, когда он достигнет нашего сознания, смотря по тому, как мы Его ощущаем.

Поэтому с обеих точек зрения одинаково правильно будет сказать, что разница в ощущениях зависит от воспринимающего их органа, который и делает в них различия, причем сознанию передается в разных видах то, что едино по существу.

Западная наука учит нас, что все наши физические чувства развились из одного первичного чувства, которое мы зовем осязанием.

В последнее время производили многие опыты над свойствами и действием эфира, который для нас представляет низшую форму Акаши. Акаша — это та первичная субстанция, одним из внешних проявлений которой в нашей солнечной системе является эфир. Эта первичная материя находится, как мы видели вчера, в движении, причем воздух, который есть не что иное, как Великое Дыхание Акаши, и вызывает чувство осязания. Мы проследили эволюцию звука, в связи с которым находится чувство слуха, и получили осязание, связанное с Вайю, в его качестве Великого Дыхания. Все эти колебания эфира, с точки зрения современной науки, представляют только так называемые виды движения; название этому движению дается смотря по тому, каким органом оно воспринимается.

Итак, современная наука учит нас, что звук есть один из видов движения, в котором участвует воздух. Свет считают движением исключительно эфира. В последнее время признано, что электричество, так же как и теплота, есть тоже новый вид движения, и т. д. В этом западная наука признала то единство, которое всегда признавалось на Востоке и которое сознание видит в основе различных явлений.

Изучая свет, мы имеем дело еще с другим видом первичного движения, отражающегося в нашем сознании, и то, что является в одном виде звуком, представляется в другом виде как свет. Мы можем поэтому сказать наперед, что все основные понятия о звуке приложимы и к свету; везде в Космосе звук и свет переходят один в другой. Это было доказано позднейшими опытами на Западе.

Мы будем рассматривать сегодня те колебания, которые проявляются в форме света. Этот свет есть синоним того, что во всех древних книгах именуется «Тем, что выше понимания». Мы назвали Его вчера неточным именем Парабрахман, или за пределом Брахмана. В Писаниях это первичное понятие выражается словом «Мрак». Мрак этот, бесконечный и полный, не выражает ничего, ибо он вне возможности выражения; он не передает никакой мысли, ибо мысль есть ограничение и подразумевает отделение того, что есть мысль, от того, что немысль.

Тут же разделения быть не может, тут нет мысли, ибо мысль означает появление различий. Поэтому-то мрак, в котором не существует видимого и невидимого, и служит лучшим символом для этого понятия, мрак абсолютный, вечный, непостижимый. Это то, что находится вне всякого проявления света, как и вне всего, что может быть выражено на языке человеческом. Из этого мрака появляется свет, но еще бесформенный, видимый, так как он проявился, но у него нет формы, так как форма предполагает нечто, вне его находящееся, это пространство, не имеющее формы. Итак, Брахман именуется «бесформенно сияющим», это идея чистого света, на помощь которой мы должны призвать то

воображение, о котором мы говорили, потому что мы всегда представляем себе тело, из которого свет исходит. Здесь же вы не должны представлять себе ни тела, ни какой-либо формы — вы должны думать о свете, отделенном от всего, что может его ограничить. Это свет, «бесформенно сияющий», как говорится о Брахмане в Мундака упанишаде.⁸ Первая идея — это идея мрака, из которого уже потом появляется свет.

Странно, что с этим согласна и современная наука. Если мы возьмем понятие о движении, с которым мы связали Великое Дыхание, то с точки зрения человеческого сознания это движение будет присуще и мраку. Свет является на самом деле видом движения, но, если при этом движении колебания слишком быстры или слишком медленны, чтобы вызвать свет, на месте этого последнего появляется мрак. Это факт, достойный внимания, если мы представим в уме своем колебания настолько быстрые, что глаз не может их уловить, в сознании нашем получится впечатление темноты. На самом деле за пределами нашего теперешнего сознания существует возможность бытия, не подлежащего нашим чувствам, но бесконечность которого отрицать нельзя. Наука говорит нам, что невидимые для глаза колебания передаются сознанию как ощущение темноты, а свет появляется только при замедлении этих колебаний.

Переведите эту научную мысль на язык метафизики и вы получите первое проявление мира. Когда то, что находится за пределом мысли, медлит своим проявлением, тогда появляется свет. И в видимом мире — если световые волны слишком быстро следуют одна за другой, то не получается света оттого, что в сущности есть свет. Чтобы получить его, мы должны замедлить известным образом световые колебания.

Когда при проявлении мира происходит эволюция материи, или, иначе, замедление движения в бесконечном мраке, тогда появляется бесформенный свет. В этом заключается как бы намек на древнюю мысль Востока, ибо тут западное мышление путём опыта дошло до восточного понятия о начале вещей. Это излучение без формы, это сияние, которое и является светом, проявляющим себя в своей сущности (его иногда называют «холодным пламенем», чтобы не примешать сюда никакую понятия о теплоте), — и составляет второе проявление, Второй Логос, о котором мы говорили вчера. Свет уже стал огнем; в нем нет абсолютной бесформенности и отсутствия теплоты; она появится при дальнейшем замедлении световых колебаний, по мере того, как продолжается проявление. Тогда уже получится огонь, сущность которого составляет теплота, и холодное, бесформенное пламя превращается в огонь, эту активную силу в строении Космоса. Но огонь не может появиться сам по себе, самое свойство его предполагает нечто иное, чем свет, от которого он происходит, — а именно, трение, от которого появится и теплота. В этом заключается и понятие о той двойственности, о которой мы говорили вчера, когда разбирали двойственное проявление звука. Но мы не можем представить себе огня без того действия, которое он оказывает на окружающее, и первым следствием его влияния будет появление сырости. Отсюда в этом Втором Логосе, или двойственном проявлении в нашем представлении являются огонь и вода. Огонь, сущность которого есть дух, и Вода, которая всегда служила символом материи. И точно так же, как когда мы получили Дух-Материю, Второй Логос, и нашли в этом истинную причину

возникновения звука, так же и теперь по отношению к свету мы получаем понятие об огне и воде, о свете Логоса и о том, на что он действует. Символом этому всегда служил Лотос, который вырастает из пупка Вишну и скрыт под водами, откуда должна возникнуть жизнь. Этот Вишну, который не плавает над водами, а скрыт под ними, и будет в этом виде Первым Логосом, а Лотос, выросший из пупка его, будет уже Вторым Логосом, символом огня и воды. Листья Лотоса, плавающие на поверхности воды и поднимающиеся вверх к одной точке, изображают стремящееся кверху пламя. Лотос всегда был символом творческого огня, в недрах которого зарождается теплота, активная творящая сила.

Поэтому внутри еще не распустившегося цветка Лотоса заключен Третий Логос, Брахма, или деятельный творящий посредник, синонимом которой будет Махат или творящий разум, заключенный в недрах огня.

С появлением огня получается и второй вид пламени, не холодного пламени Первого Логоса, а животворного горящего пламени Третьего Логоса, который должен построить Космос из моря огня и сделать возможным существование мира.

Обратимся к тем авторам, которые глубоко изучили этот вопрос и пролили свет на это древнее, трудное для понимания представление. Возьмем труд Блаватской, у которой всё это изложено весьма просто. При помощи ее толкования, которое послужит нам тут ключом, мы можем понять тот символ, о котором я только что говорила. Вместо огня она берет эфир в его чистейшем виде, субстанцию эфира, прежде чем мы можем назвать его Акашей. Тут есть два огня, и в оккультизме делается между ними различие: первый, совершенно бесформенный и невидимый, скрыт в центральном духовном солнце, о нем говорится как о троичном в метафизическом смысле. Тут опять мы видим троичное свойство Логоса, в который воплощаются эти огни.

Второй огонь, который проявляется как Космос, семеричен и в мире, и в нашей солнечной системе. Мы вчера видели, как троица распалась на семь.

Здесь опять перед нами, с одной стороны, бесформенное пламя, холодное пламя, или свет, с другой — огонь и теплота, или животворное пламя, тот же символ, только в другом виде, та же идея, выраженная в другой форме. Оттого то нам всегда и говорили, что свет Логоса, Дайвипракрити, или светящаяся сторона материи и является силой зарождающей и созидающей.

Вы должны помнить, что тот символический Лотос, про который я вам говорила, всегда изображали двуполым, подразумевая под этим двойственность, на которую мы указывали в прошлой лекции как на характерный признак Второго Логоса, или второй проявленной силы, долженствующей построить мир.

Отсюда получается та сила, которая в простейшей своей форме дает электричество, магнетизм и теплоту. Эти силы только вид движения, другое действие Великого Дыхания, того, что в Теософии часто именуется Фохат.

Это слово правильнее перевести, как это делает Субба Рао, светом Логоса. Это и есть тот возбудитель энергии, который, раз появившись, строит Космос, тот огненный Змий, который является силой созидающей.

Вспомните, что я говорила вам в последней лекции по поводу открытий Крукса, символизирующих собой электричество, и по поводу той спиральной линии, которая получается с падением температуры. Здесь мы встречаем ту же спираль под видом огненного Змия и огненного дракона, который изрыгает пламя в молочном океане, создавая все формы проявления. Тот же Змий, свившийся в кольцо и кусающий свой хвост, означает переход от спирали творящей к шару — результату творения. Подобный образ свившегося в кольцо Змия, который кусает свой хвост, является символом проявленного Космоса. Змий превратился в шар, который всегда служит символом Космоса в проявленном его виде. Змий превращается далее в яйцо, из которого уже образуются все позднейшие формы в Космосе. Иногда Брахма, сила творящая, заключен не в Лотосе, а в этом яйце. Брахма, сидящий в золотом яйце, — это другой символ Лотоса. Некоторое время он пребывает в яйце и уже по выходе из него творит мир. Отсюда произошел другой символ: Змий, обвивающий гору, среди океана сгустившейся материи, откуда, по словам Пуран, произошли жизнь, бессмертие и все другое.

Пусть тот из вас, кто изучал Пураны, сравнит некоторые их положения с положениями современной науки. Он будет тогда в состоянии предсказать тот путь, по которому должна идти наука в своих дальнейших изысканиях, и тем самым всего лучше покажет Западу, какая глубина заключается в учениях Востока.

Вернемся к огню, который представляет глубокий интерес, а именно, к тому виду огня, который имеет отношение к человеку, и рассмотрим то сродство, которое существует между творящим огнем Космоса и тем, который составляет источник жизни в сердце человека. Возьмем Мундака упанишады — кажется, это место находится в начале II отдела, — мы прочтем там следующее:

«Подобно тому, как из пламени огня летят тысячи одинаковых искр, так, о возлюбленный, рождаются живые души из Единого, Нераздельного».

В чем заключается истинный смысл этой шлоки? Это значит, что из огня, который мы рассматривали как центральную силу Космоса, летят во все стороны искры, как только огонь разгорелся пламенем. Слово «разгорелся» означает степень горения, ибо только там, где огонь запылал, получается пламя, а это и служит признаком Третьего Логоса. Третий же Логос есть Махат, то есть разум в самой своей сущности.

Итак, мы узнаем, что из Брахмана, взятого как разум, вылетают все те искры, которые находятся внутри всякого атома и всего, что только существует в Космосе.

Повсюду заключена сущность Божественной жизни. Летящая искра есть Атма атома, и вы должны помнить, что она составляет сущность не только человека, но и всех вещей, всех атомов, точно так же как и наивысшего проявления — Бога.

Ибо, повторяю, мир един, и искра, вылетевшая из горящего пламени, находится внутри всякого проявления; не только всякая песчинка, но и всякий атом, входящий в состав её, имеет Атму в себе, в то время как сам он, как и все другое, образовался из Акаши.

Таким образом, луч, исходящий из Атмы, связывает, так сказать, в одно все проявления, которые получились через ограничение, и вводит в Единое принцип разделения. Когда искры разлетаются во все стороны, получается то, что «Тайная Доктрина» очень образно называет «огненным вихрем». Вихрь этот, уносясь в пространство, несет с собой сущность единого огня, единой жизни. И по мере того, как он распространяется, возникают различия в искрах, причем они изменяются не в своей сущности, а в том, что они несут с собой в проявление.

Тут скрыта одна из величайших и самых глубоких тайн оккультизма. Я должна вести вас к ней шаг за шагом, иначе многим из вас трудно было бы следовать за ходом моей мысли. Попробуйте понять значение буквального текста Священных книг и, сравнивая разные места в них, отыщите сокровенный смысл, общий всем им. Идите за мной в самые сокровенные тайники. Я не хочу сразу раскрыть их перед вами, а сделаю это постепенно, чтобы не внести в умы ваши смуту, рассеять которую будет трудно потом.

Представьте себе искру, вылетающую из огненного вихря; представьте себе, что это и есть Атма и что луч этой Атмы отрезан, отделен Акашей, с Атмой же сперва он составлял одно целое. Атма едина, и на этом единстве основана наша надежда на конечное освобождение.

Луч отделился в проявлении не от своей основы, откуда все лучи видны, как один, но от другой стороны проявления, которую еще нельзя признать светом, но только Акашей, заслоняющей его. Акаша, ограничивая каждый луч, вносит разделение туда, где в сущности этого разделения не существует.

Таким образом, мир представляется единым, если его рассматривать изнутри; если же смотреть на него извне, он представляется многообразным, ибо тогда мы смотрим на него не с точки зрения Атмы. Это то же самое, как если вы, находясь в центре солнца, смотрели бы по направлению каждого из его лучей; тогда часть освещенного ландшафта отражалась бы у вас в глазу через эти лучи, которые в центре светила сливаются в один. Если же вы смотрите вне светила и глядите на него по направлению одного луча, вам покажется, что кругом вас много лучей, солнце же вы можете видеть только через луч, проходящий через вас. И все же вы будете видеть то же самое солнце, так как все лучи исходят из него, сливаясь в центре. Единства этих лучей вы не можете видеть, пока вы находитесь на окружности этого огромного круга и смотрите по направлению одного луча, идущего к центру солнца.

Сделаем еще шаг вперед. В каждом атоме находится Акаша, которую теперь именуют Дживой, что означает ее отделение; теперь уже мы будем рассматривать ее не с точки зрения проявленного всего, а только проявленного индивидуума. Это и есть Майя, иллюзия, за которую мы не можем проникнуть. Она делает весь мир иллюзорным для нас; ибо когда наше зрение обманчиво показывает нам отдельные

лучи, мы не можем за ними видеть то Единое, из которого они исходят. Теперь вам будет понятно часто употребляемое выражение: всякий атом имеет свою Атму. Тут подразумевается только разделение в проявлении, а не в основе всего.

Теперь представим себе, что когда проявляется этот огненный вихрь, каждая искра в нем отличается одна от другой; на первый взгляд это кажется непонятным, а между тем некоторые искры представляют собой живые пламена, сознательные и мыслящие. В этом устрояющемся, проявленном мире они появляются в качестве Дэв. Это умы, достигшие высокой степени духовного развития; они менее связаны, чем люди, которые появятся впоследствии. Таким образом, уже на такой ранней стадии проявления мы встречаем вихрь искр, стоящих на высшей ступени умственного развития; они являются в качестве живых агентов силы творящей и способны построить Космос, подчиняясь этой направляющей и координирующей силе.

Итак, Дэвы появляются среди первых проявлений. Они упоминаются под разными именами: Индра, Вайя и др. Наши невежественные ориенталисты называют это олицетворением сил природы, когда цивилизация находится еще в детском периоде, и люди, наблюдая явления природы, каковы небо, воздух, свет и пр., давали им разные имена Вайя, Индра, Агни и поклонялись им как отдельным богам. Рассматривая их с истинной точки зрения, боги эти вовсе не представляют собой олицетворений природных явлений, как представляют их себе люди, мыслящие по-детски.

Это огненные искры, которые происходят от Высшего; это живые умы, которые произошли от него задолго до того времени, когда человечество родилось в мире. Эти искры должны построить будущий Космос для будущего человечества. На Западе говорят, что только безумие неопытного мыслителя могло олицетворять естественные силы природы. На самом же деле Дэвы поистине стоят позади всякого кажущегося явления и управляют им. Мы же называем их действия естественными законами природы. Дэвы существуют; это реальные существа, отделенные от единой Атмы в том смысле, как я понимаю слово разделение. Они отделились, чтоб построить мир и сделать его разумным от начала до конца.

Что такое явления природы? Это только внешние образы Дэв, и в корне всякою явления стоит Дэва. По мере того, как развиваются проявления, Дэвы переходят в низшие и низшие степени, пока не получится целая иерархия их. Низший вид их на земле составляет только иллюзорный покров Атмы, и правильно воспитанная и развившаяся душа может править этими умами, для которых материя служит лишь внешним покровом, так как такая душа получает свойство влиять на материю, подобно силе творящей. Развившаяся душа, поборов иллюзию окружающей ее материи, сама может стать проявлением Бога.

Разбирая всю эту длинную иерархию Дэв, нам представится вопрос, в котором и заключается все затруднение: откуда взялось это различие в проявленных искрах? Почему одна искра, зарождаясь от пылающего огня, является высшим Дэвом, а другая — низшим? Одна послужит центром, вокруг которого образуется человек, а другая будет центром песчинки. А еще другие искры явятся центром атомов, входящих в состав песчинки?

Каким образом в том Единстве, о котором мы говорили, появилась возможность различия в проявлениях?

Прежде всего нам нужно установить самый факт этого различия. Дэвы, люди, животные, растения, минералы, элементарные силы — все это окружает нас, и различие их очевидно. Сыны света, о которых мы читаем, это те высшие Дэвы, которых я назвала строителями Космоса. Но в Священных книгах упоминается еще и о сынах огня. Кто же эти сыны огня? Это наставники человечества в периоде его младенчества. В прошлой лекции я уже говорила о тех, кто дал человечеству Веды и Священные Писания, чтобы направить его первые шаги на пути просвещения, — это в истинном смысле слова учителя человечества. Что же они представляют собою? Это те пламена, которые донесли с собой на эту стадию развития во всей чистоте тот высокоразвитый ум, который позволяет им стать наставниками человечества; это разлетевшиеся искры, воплотившиеся в настоящих людей. Между этими воплотившимися людьми, между Кумарами и простыми людьми существует одно странное различие. Можем ли мы узнать, в чем оно заключается? Целые циклы проявлений исходят из Великого Дыхания и возвращаются в Него, Свет превращается в Мрак, Мрак переходит в Свет, души становятся различными в материи, люди поднимаются вверх к своему первоисточнику и достигают освобождения. Про них говорится, что «они идут, чтобы никогда не возвращаться». Если они никогда не вернутся, то для чего тогда и различия в Манвантарах, подобных нашей? В «Тайной Доктрине» есть одно место, которое совсем упускают из виду. Оно непонятно только потому, что в словах текста не ясно выражена, а только скрыта истина.

Что говорят Упанишады о Брахмане?

«Он скрыт в Упанишадах, которые скрыты в Ведах»⁹. Если вы желаете понять, что такое Брахман, вы должны вникнуть в смысл слов, написанных в Упанишадах, и понять их сокровенное значение. Тут необходим Гуру. Потому-то и сказано там, что кто желает понять, что такое Брахман, должен найти Великого (т. е. Учителя) и внимать¹⁰ ему, ибо одни слова Упанишад не пояснят ему скрытого смысла Бога. Чтобы искра загорелась вверху и сама стала пламенем, нужно уже развившееся пламя.

Поищем теперь, в чем заключается сокровенный смысл слов «никогда не возвращается». Искра в человеке (под словом «человек» я разумею представителя среднего человечества) развивается через тапас — горение. Какое горение? Огонь знания. Это и есть настоящее значение слова тапас, и на этот-то «подвиг», как это всегда переводится по-английски, знание и оказывает свое действие, сжигая и очищая ее. Во время горения это знание сжигает внешние оболочки человека, где гнездится наиболее глубокое невежество, а когда оболочки эти сгорят одна за другой на огне знания, пламя проявляется все сильнее и начинает сознавать свою сущность. Эта искра, скрытая в материи, превращается в пламя, которое освобождается от материи; когда же освобождение совершилось, тогда пламя возвращается к своему первоисточнику. Если мы соединим несколько таких пламен, они сольются в одно, прикоснувшись друг к другу, ибо субстанция их одинакова, и различие между ними исчезает.

Позвольте мне еще больше развить перед вами этот образ; если вы будете следить за моей мыслью, истина начнет вырисовываться вам из тумана, пока вы не схватите ее. Вы ясно постигнете ее, когда она внедрится в вас и вы сами станете ею. Человеческое знание — это разделение, Божественная же Мудрость есть единение. Когда исчезнет внешняя форма пламени, оно сольется с Единым. Оно не утерялось. Оно бесконечно увеличилось, слившись со всеми пламенами, которые соединились вместе, — в этом и заключается освобождение. Потеря отделяющей вас ограниченности, распространение ваше в бесконечном, полном знании, не имеющем границ, — это и есть сущность самого знания. Но будет ли это «навсегда» в полном смысле этого слова? Возвращается ли пламя когда-нибудь из Нирваны? Люди, изучавшие этот вопрос при помощи тех, кто обладает знанием, верно учили, что границей служит ряд циклов, и всякий период непроявления находится в зависимости от предыдущего и последующего проявлений.

Как день и ночь служили нам символами проявления и непроявления, так и теперь символом будет планетарное проявление и поглощение, чередующиеся друг с другом, пока не наступит время для всей солнечной системы перейти в непроявление. Это находится в зависимости от продолжительности существования солнечной системы. Система эта, после известной приостановки, снова проявляется и приносит в это новое проявление всё, что она приобрела в предыдущем. Ночью вы не сознаете, что знаете урок, выученный днем, но он всё же сохраняется в вашей памяти, когда вы просыпаетесь на следующее утро. То же происходит и с планетой, которая, перейдя через период Пралайи, приносит в следующее проявление всё, что она приобрела в предыдущем. Как солнечная система после долгого существования проходит через долгий период непроявления и, появляясь на высшем плане, становится солнечной системой высшего порядка, так же и Космос, перейдя через период Пралайи, снова появляется в Манвантарах, взятых в полном значении этого слова. Все пламена точно также сливаются в одно, и хотя между ними уже не существует разделения, все же остаются огненные нити, которые связывают между собой все эти пламена. Когда начинается разделение, нити эти медленно выдвигаются вперед и выделяют все пламена из Единого. У каждого пламени есть своя индивидуальная нить, которую не могут разрушить никакие Нирваны и Пралайи, как бы долго ни продолжались они. Одно и Все вернулись в проявление. Различия между искрами развились постепенно в предыдущих Манвантарах и сохранились, несмотря на кажущееся уничтожение.

«Никогда» означает продолжительность цикла, а не окончательное исчезновение. Я не знаю слова, которое могло бы точно определить это, я только могу смутно намекнуть вам на смысл. Для того, чтобы точно выразить то, что я пытаюсь передать, потребовалось бы слово, которое выражало бы состояние, которое в то же время есть и не состояние и что можно выразить только символически в образе нескольких пламен, которые соединились вместе, сохраняя возможность отделиться друг от друга. Каждое пламя при этом должно нести свою Карму, а то, что мы называли огненной нитью, хотя и теряется в центральном огне, все же продолжает существовать и в самой Нирване сохраняет возможность будущего роста.

Жизнь Брахмана не то, что жизнь человека. Его жизнь включает в себе, если можно так выразиться, все бесконечные, порожденные им жизни, а все эти жизни составляют только мгновения по сравнению с этой вечной жизнью. И когда Брахман выдыхает пламена и вдыхает их снова в себя, всё это только одни мгновения для него. То, что для нас составляет миллионы лет, для него представляет кратчайшее время, какое только мы можем себе представить. Что же тогда Нирвана или отделение сознания? Что означают наши слова Манвантара и Пралая? Это бесконечный огонь, посылающий в пространство свои пламена и снова вбирающий их в лоно свое бесконечно чередующимися волнами. Отсюда и получается возможность различных проявлений в каждом из циклов, которые следуют один за другим. При этом каждая пламя приносит в новую Манвантару все, что накопилось в нем в продолжении бесчисленных предыдущих Манвантар. Мы начинаем теперь понимать, что подобно тому, как сознание может перейти в состояние Турия и опять вернуться в ограничение, так же и бесконечное космическое сознание может перейти внутрь и затем снова воплотиться. Препятствие наш опыт не теряется, он снова проявляется, когда мы возвращаемся назад, и то, что происходит в малом виде, происходит в известном трансцендентальном смысле и в Неразрушимом Едином. Его вечная жизнь тоже обогащается бесконечным опытом бесконечных манвантар. Эта бесконечная эволюция для нас означает рост, а что она значит для Него, это известно Ему одному.

Посмотрим теперь, какие намеки на эту тайну заключаются в наших Писаниях. В них указывается на того, кто будет Индрой в следующей манвантаре, на того, кто затмил Вишну, перешел после этого на другую стадию сознания и появится в следующей манвантаре уже как сила руководящая.

Когда вы читаете про то, как великие подвижники исчезали под водой, оставались целые тысячелетия на дне моря, предаваясь размышлению, и затем снова являлись на поверхность, чтобы заселить землю,¹¹ вы начинаете проникать в сокровенный смысл этих рассказов. Если вы развили в себе интуицию внимания, вы поймете, что именно учителя пытались объяснить вам этими рассказами. Вы поймете эти символы дней и ночей, чередующихся периодов деятельности и размышления.

Пралая — это размышление Всего в Его целом; оно снова показывается на поверхность вод, чтобы населить Космос. И миры заселяются, когда Брахма приказывает некоторым из сыновей своих идти населять землю.

В Брахме всегда заключен Третий Логос, Слово Повелевающее, которое посылает в мир своих детей. Сыновья Брахмы — это те души, которые должны взять на себя труд создания, они должны явиться откуда-нибудь, и ничего не создается прежде, чем не произошло медленное строение наверху.

Те, кого мы зовем теперь нашими наставниками, в следующей манвантаре будут находиться дальше, в более высших, нам теперь неизвестных, планетных системах. Победителями же человечества будут те, кто превращает теперь искру в пламя, кто сжигает невежество на огне знания — Тапаса, и становится сам живым пламенем. В следующей манвантаре они будут уже сынами огня, не разлетевшимися искрами, а развившимися пламенами, способными научить будущие расы.

Теперь я возвращусь назад и скажу тем из вас, кто пришел сюда не для забавы, а для того, чтобы искать знание, — а таких найдется по крайней мере хоть двое или трое, — что вы хорошо сделаете, если остановитесь на этой мысли и будете размышлять о ней дни, недели, месяцы, пока она не станет для вас реальностью. Чтобы проникнуть в суть вещей другого пути не существует. Я произношу только слова, хотя и пытаюсь говорить для ума, а не для одного слуха, силу же моей мысли вы поймете только тогда, когда заключите её в сердце своем и будете размышлять о ней, делая из нее всевозможные выводы.

Перейдем теперь к более простому вопросу, касающемуся скорее внешней, чем внутренней области; он не составит предмета для размышления, но поможет нам осветить эту внешнюю область светом внутреннего мышления. Я говорила вначале, что наука признает единство света и звука, но вам может показаться не лишним проверка Священного Писания путем ссылок на те научные опыты, где из звука получался свет и наоборот.

Наши внимательные исследователи открыли, например, что, если взять кусок какого-нибудь окрашенного вещества и направлять на него разные световые лучи, один определенный луч извлекает звук из этого окрашенного вещества. Таким образом, в мире физическом вы можете, в буквальном смысле, получить звук из цвета, который есть не что иное, как свет. Если заключить окрашенное вещество в стеклянный шар и направлять на него световой луч, послышится низкий звук. Вы превратили луч света в звук. Это весьма поучительный опыт мира низшего, и он стоит того, чтобы его запомнить. Если вы встретите какого-нибудь невежду, который с насмешкой отзывается о Священном Писании, вы можете тогда указать ему на то, что западная наука возвращается к этой идее единства всего.

В ваших книгах говорится, что, если вы желаете общаться с низшими Дэвами, вы должны говорить с ними не словами, а красками. Что это значит? Вы изучили зависимость цвета от звука и можете понять, что то, что передается человеческому мозгу словами, которые приводят в движение более плотный воздух, — вы должны передать эфирным Дэвам цветовыми окрасками, которые приводят в колебание ту астральную материю, из которой состоят их тела. Слово физического плана передается на плане астральном как известная световая окраска. Если вы желаете войти в общение с таким Дэвом, у которого нет стхула шариры, т. е. видимого тела, которое способно отвечать на более грубые колебания воздуха, вы должны помнить, что каждому звуку соответствует определенный цвет. Если вы хотите сказать ему что-нибудь, вы должны говорить с ним на языке низших богов, на языке красок, которые вызывают у такого Дэва то, что мы называем мыслью, выраженную словами, т. е. идеями на плане ментальном.

Речь физического мира передается в красках в мире астральном.

Когда вы читаете в Писании, что «с Дэвами надо разговаривать на языке красок», вам говорят, что это нелепость, детское суеверие; что Дэв не существует, как не существует и языка красок.

Вам говорят, что вы повторяете нелепые басни младенцанарода, что это чистый фетишизм, за которым скрывается полное невежество. Но если бы люди, которые

говорят так, знали бы немного более, они поняли бы, что язык красок реален, и первый шаг к этому открытию был сделан парижским ученым, который направил световой луч на окрашенный предмет и вызвал этим звук.

У ясновидящих всякий звук вызывает определенный цвет. Это испытал всякий, кто развил в себе астральное зрение. На Западе теперь многие упражняются в этом. Многим из вас может быть известно, что в Египте существовали особые книги, написанные разноцветными красками, а не такими буквами, какие употребляются на санскритском языке, истинном языке Богов.

В Индии я не слыхала ни о чем подобном.

Многие книги, предназначенные для оккультистов, написаны были в Египте не знаками, а красками. Понимание подобных книг велось в древнем Египте от посвященных жрецов, которые были такими же адептами, как и индусские. Надо заметить, что, если переписчик изменял окраску, его казнили смертью. Позднее египтяне считали, что писание красками — это древний обычай, который сохранился от великих жрецов. Смысл обычая уже утерялся, но обычай сохранился. А смысл был тот, что адепт читал значение красок там, где простой читатель видел лишь написанные знаки. Для оккультиста, который видел окраску, буквы получали другой смысл.

Оттого-то и можно было тогда составить такую книгу, которая для непосвященного говорила только, что написано буквами, для адепта же книга имела смысл, доступный лишь одним оккультистам, так как он не только видел очертания букв, но понимал и их окраску, которая имела для него сокровенное значение.

Так сохранялись древние тайны для посвященных, которые, пройдя путь посвящения, проникли в эту тайну и хранили для себя эту древнюю мудрость. Она сохранилась и теперь, конечно, скрытая от посторонних. Язык красок — это одна из стадий посвящения. Когда ученик научается читать краски, т. е. получает познания через световые ощущения, его учат тогда пользоваться ими для управления теми силами, которые в нашей литературе именуются Дэвами.

Вы встретитесь с этим, когда прочтете о семязычном огне, о семи языках пламени, — человеческому уму предоставляется понять это. Возьмем Прашна упанишаду, где описывается жизнь, которая делится на жизненные токи. Об одном из этих токов говорится, что он имеет семь пламен¹². В Мундака упанишаде упоминается «семь колеблющихся языков огня», каждый из них имеет свое особое имя, и некоторые из этих имен не что иное, как названия красок.¹³ Это дает вам ключ к пониманию этого места в Писании, но вместо того, чтобы пытаться понять его путем рассуждений, старайтесь размышлять о нем. Смысл тут заключается в окраске пламени, а жизнь, распределяющая эти пламена по телу, — это только символ, которым указывается сокровенный смысл, а именно, что жизнь, Прана, есть активная сила той Атмы, которая имеет семь свойств и становится в человеке силой семеричной. Каждый огненный язык представляет собой одно из основных свойств человека. Когда все они соединятся в сердце, получается единое пламя Атмы.

Таким же образом я могла бы объяснить вам разные другие символы, например, домашнего огня и других огней. Символы эти должны быть понятны всякому мыслящему человеку. Для чего «дважды рожденные» изучают Веды? Конечно, не для того, чтобы повторять одну шлоку за другой. Ежедневное чтение Вед обязательно для каждого «дважды рожденного»; это означает, что изучение Вед дает знание. Когда он читает о пяти огнях, символом которых служат огни его домашнего очага, он должен понимать сокровенный смысл этого выражения. Отчего вечно хранится один и тот же огонь и от него уже зажигаются другие? Почему огонь этот зажигается только молодыми супругами и не допускается гасить его, пока они живут на земле? В этом кроется идеал брака у древних индусов. Это означает признание в духовном мире того факта, что когда мужчина и женщина сочетались, то оба начала в природе, представленные ими, должны слиться в единый дух. Только через такое сочетание они становятся огнем, и материальный огонь, зажигаемый супругами, служит только символом объединения их духа, не с целью получить чувственное удовольствие, а для того, чтобы они стали Праджапати, объединенными создателями будущего мира. Этот благороднейший идеал, который когда-либо знало человечество, и был идеалом брака у индусов.

Пусть низко пал этот идеал, важно значение, скрывающееся в этой идее раннего брака, когда страсти еще не проснулись и плоть не принимает никакого участия в этом единении души с духом. На этой великой истине основан внешний обряд. Смысл его утерялся, но обряд сохранился. Дух каждого человека переживает ряд воплощений для духовного роста, а не для чувственного удовлетворения. Юношеские страсти, проявляющиеся через чувства и влекущие друг к другу два тела, души которых иногда и несходны между собой, не должны иметь места в этом союзе двух Духов между собой. Для этого в старину и изучались гороскопы, проливавшие свет на жизнь, которая предстояла вновь воплотившемуся Духу. В современном браке сохранился символический обычай разделять завесой жениха с невестой; они могли встречаться только взглядами, ибо в глазах пребывает дух, который и говорит от одного к другому. Тогда ничто постороннее не может оказать на них магнетического влияния.

Этот идеал и лежал в основе древнего брака, и молодые вместе зажигали огонь, символ духовного единения. И огонь этот не должен потухать, пока дух их соединен и внешне и внутренне. Если жена умирала первая, муж подавал ей огонь, чтобы она могла унести его с собой в потусторонний мир и явилась бы к нему как дух с огнем в руках за пределами смерти. Супруг узнает по этому огню, что она принадлежит ему, и души их сольются воедино. Символ этот указывал на тот священный идеал брака, над которым смеется современный Запад.

И здесь есть юноши, которые в своем невежестве желают низвести этот идеал вместо того, чтобы очистить его и восстановить древний индусский брак. Тогда вы вернули бы Индии ее прежних мужчин и женщин, каких нет теперь, тех женщин, о которых упоминает ее древняя литература. Это славные, благороднейшие типы жен, которые не встречаются у других народов; их нет ни в произведениях их вдохновенных поэтов, ни в мечтах энтузиастов.

Вы понимаете теперь сокровенный смысл знакомых вам огней, также и тех, которые объясняют вам перевоплощение. Всякий символ говорит что-нибудь душе, которая умеет видеть.

Итак, братья, я предоставляю вам самим размышлять обо всем, что я так несовершенно изложила перед вами в этой беседе. А перед высшими Единицами, перед теми космическими огнями, от которых мы произошли и в которые вернемся, у меня одна молитва за вас и за себя: пусть мы только искорки, долженствующие стать пламенами, устремимся вверх к Ним, и пусть пламя, горящее в сердце нашем, зажжет огни и в других душах! И тогда Великие Боги, взирая на землю, увидят здесь в Индии огни, поднимающиеся к небесам. Это будут уже не огни домашнего очага, а огни Духа, который, стремясь к их подножию, увлекает и нас за собой.

Индия станет тогда вновь тем, чем она должна быть, — истинным светочем мира, чадом Богов. Древние ее народы вновь станут сынами Божьими, а любовь, загоревшаяся огнем в каждом сердце, поднимет пламя к престолу Всевышнего!

Глава III

ЙОГА

Братья! Во все времена, на всех ступенях цивилизации, человеческий дух стремился к Небу. Каждая религия пыталась установить единение с Богом. Важно не то, какую религию исповедует человек, под каким именем он чтит Божество. Где идет дело о внутренней борьбе, — безразлично, каким путем человек пытается выразить или проявить на деле свои стремления. Суть в этом самом стремлении, которое свидетельствует миру о реальности Духа, о том, что существует духовная жизнь. Только оно одно и свидетельствует, выражаясь точнее, о существовании Божественного в мире и в человеке. Подобно тому, как вода пробивает себе путь через все заграждения, чтобы подняться до уровня того источника, откуда она вытекает, — так точно и дух человеческий вечно стремится вверх к своему первоисточнику. Если бы дух этот не происходил от Бога, он не искал бы Его, не искал бы и единения с Ним.

Самый факт существования этого стремления как бы неумело оно ни проявлялось, вечно свидетельствует о Божественном происхождении человека. Это доказывает, как мы говорили вчера, что искра может снова обратиться в пламя, и как бы ни было оно заглушено в пределах проявления, будучи по природе пламенем, оно снова может вспыхнуть.

Слово Йога, как всем известно, означает «единение». Оно выражает собой все, чего только может желать Дух. В нем подразумевается все; так как все происходит от Божества, то единение с Богом означает обладание всем — всем знанием, всей силой, всей чистотой, всей любовью. Слово это, означающее единение, указывает и на высшее доступное человеку стремление.

Возьмем одну из самых новых религий, ту, которая распространилась на Западе под именем христианства, — вы найдете и в ней ту же попытку единения, которое проводилось так методично в самой древней из религий, в Индуизме. Главная разница заключается в их методах.

В христианстве существует стремление, но обыкновенно не учат, как достигнуть этого единения. Правда, Римско-Католическая церковь обладает некоторым знанием тех методов, посредством которых достигается единение с Богом.¹⁴ Но вообще в христианстве мы видим скорее стремление, чем постоянные и сознательные усилия достичь этого единения. В жизнеописаниях тех людей, которых называют Святыми, мы читаем, как некоторые из них достигали того состояния, в котором всякий близко изучивший этот вопрос знает то, что мы называем состоянием Самадхи, экстазом. В этом состоянии сознание устремляется вверх или скорее внутрь, из области обычного в Божественное. Этого достигали через благоговение, и это свидетельствует, что в каждой вере можно достичь этого единения.

Так и должно быть, ибо все души по существу составляют одно Единое, как бы ни различались они по своему вероисповеданию и месту рождения.

Это служит очень важным доказательством коренного единства всех религий. Это позволяет разрушить существующую между ними стену, которая служит таким препятствием для духовного единения людей, а единения этого быть не может, пока мы будем оставаться в области чистого интеллекта.

Я хочу показать вам теперь громадное значение Индуизма, который понимает и метод, и цель Йоги. Я приведу вам для этого доводы ума и опыта.

Индуизм достигает не только того, что называют «блаженным видением», но учит и тому, как достичь его.

Всякий мирянин поэтому может узнать до известной степени, как ему жить теперь, чтобы в будущем воплощении пойти дальше по пути Йоги. А те, кто уже готовы к этому, получают особые указания, как постепенно приблизиться к Богу.

В публичной лекции нельзя коснуться внутренней стороны Йоги. Йога, в строгом смысле этого слова, никогда не преподается иначе, как одним человеком — другому, Гуру преподает её своему ученику. Йога не может служить предметом общего рассуждения или словопрений.

В настоящей Йоге не рассуждают. Рассуждение присуще уму, а не духу, а Йога имеет дело с духом, а не с умом.

Первые шаги могут быть указаны всем, но в святая святых Йоги может проникнуть лишь тот, кто понял, что можно познать духовную истину и всем сердцем преданся исканию её. Он должен искать эту истину не в области умственных рассуждений и не у тех людей, которые считают себя равными с учителями, а у тех, кто в молчании и благоговении идет учиться у людей с более высоким духовным развитием; такие люди с благодарностью принимают каждый луч

озаряющего их света; они не вступают в пререкания с этим лучом, потому что духа их не коснулся отблеск его первоисточника.

Но можно указать на те предварительные стадии, через которые должен пройти человек, чтобы стать способным изучать Йогу. Я намечу вам те шаги, которые указаны в Шастрах для непосвященных. Они приведут вас к вратам храма. Но в самый храм вы должны войти один, чтобы встретить там учителя. Вам можно указать лишь путь, ведущий к этим вратам, но если вы твердо решились, вы можете вступить в них.

Для того, чтобы понять умственную сторону этого процесса единения, вы должны сперва узнать, из чего состоит человек. Это будет первым шагом. Правда, что тело человека состоит главным образом из тех органов, посредством которых он познает себя. Но все же он должен уметь пользоваться этими органами, чтобы сделать первые, предварительные шаги.

Прежде, чем вступить на путь, вы должны преодолеть некоторые препятствия, которые лежат в самой вашей природе, в строении вашего тела. Это необходимо для успешного прохождения Йоги. Поэтому-то первый шаг на пути будет сделан, когда ваш ум поймет строение вашего тела. Изучать строение человека вы должны сперва по теории, а потом уже на практике. Организм человеческий нужно рассматривать в связи с разными областями мира или же так, как самому человеку удобнее подразделить себя при исследовании этих областей.

Деления эти сперва будут чисто теоретические, и только впоследствии их можно будет применить на практике.

Самым полным делением будет деление на семь областей, вы можете прочесть об этом в любой теософической книге. Вы найдете некоторые указания на это и в Шастрах, где всё упирается в деление на пять областей, что соответствует теперешнему развитию человека; о двух высших стадиях развития там не упоминается, тем более, что при наших условиях жизни человек не может достичь их. А в те времена считалось излишним смущать умы упоминанием того, чего постигнуть нельзя.

Есть там, правда, некоторые намеки, предназначенные для тех, кто поднялся выше обычного уровня и готов к принятию дальнейшего знания. Там говорится, например, о «семязычном пламени», о семи гласных звуках, о том, что Агни едет на колеснице, запряженной семью конями. Великий Змий, чаще всего пятиголовый, называется иногда семиголовым. Это все намеки на числа выше пяти, пятиричное же строение выражается пятиугольником, буквой М, знаком зодиака Макара, крокодилом.

Все это указывает, что когда вы изучаете реальное, вам остается еще познать и то, что находится за пределами его.

Семеричное устройство человека выделяет Атму как отдельную сущность, которая, постепенно раскрываясь, стремится наружу через целый ряд оболочек, составляющих только различные виды этой Атмы. Таким образом вы получаете:

Буддхи, именуемого духовной душой, Манас, или разумную человеческую душу; Каму, или душу животную, в которой заключены все страсти и желания, и Прану — жизненный принцип, наполняющий эфирное тело. Прану неправильно называют Линга Шарира; в Священных Писаниях этот термин имеет совсем другое значение. Наконец, идет само тело Стхула Шарира, физическая и материальная видимая часть человека. Это и составит семь делений вместе с Атмой, которое представляет из себя единое целое, различное в своих проявлениях.

Обратимся к более знакомому всем делению, где человек рассматривается как Атма, заключенная в пять оболочек. Эта классификация весьма образна, ибо каждый отдел дает вам понятие об оболочке, скрывающей истинную суть человека. Настоящий процесс Йоги и заключается в совлечении этих оболочек, одна за другой, пока сущность не явится снова Единой, как и вначале.

Согласно этому делению получаются: оболочка питания Аннамая-Коша; за ней следует то, что в Теософии именуется эфирное тело и Прана; эфирное тело — это только колесница Праны, — вместе они составляют Прана Майа Коша. Далее следует подразделение на два, признающее двойственность Манаса, о которой говорится в теософических книгах: Манас и Кама, которая заключена в низшем Манасе; она соединяет то, что погибает после смерти, с тем, что переходит в Девалоку.

Вы получаете, таким образом, Маномая-Кошу, в которой заключены свойства камические, страсти и желания; оно принимает участие в образовании тела, которое сохраняется во время пребывания в Камалоке.

Затем следует оболочка рассудочных свойств ума — это Виджнямая-Коша; она получила имя от Джнянам — знание с приставкой Ви, что значит рассуждение, анализ, процесс исследования и раскрытия всех отделов знания, что и будет рассудочным знанием по существу. Иногда этим именем обозначались все шестьдесят четыре науки, собранные в одно.

Эта Коша заключает в себе то, что теософы называют Манасом, распознавательное свойство человеческого ума, но без способности доказывать, что составляет уже принадлежность низшего Манаса.

Последней оболочкой будет оболочка блаженства — Анандамая-Коша, которая в то же время и Буддхи, ибо Буддхи есть блаженство по существу.

Если вы захотите теперь узнать, какую классификацию человека следует принять при исследовании разных областей мира, вы увидите, что его нельзя разделить на шесть или на семь частей.

Не все оболочки отделимы друг от друга. Вы должны принять тройное деление. Для практических целей Йоги человека можно разделить на три части. Существуют три Упадхи (проводники, оболочки), в которых могут действовать эти разные начала или оболочки. Низшей будет Стхулопадхи, в которую заключено тело физическое, хотя по существу оболочка эта и эфирна и в ней

можно не считаться с телом физическим. Оно играет тут лишь роль препятствия, которое необходимо и нужно преодолеть. Настоящие органы чувств гнездятся в эфирном теле, мы же видим только вместилища этих органов в теле физическом, которое нам представляется таким реальным.

Затем идет Сукшмопадхи, или тонкое упадхи, которое иногда называется Линга Шарира, или Линга деха. В теософической литературе неудачно было названо этим именем низшее Упадхи, астральное, или эфирное тело. Это Сукшмопадхи служит колесницей для камических и манасических сил. В этом упадхи сознание и может практически познакомиться с планом физическим. После этого идет Каранопадхи, настоящая оболочка Атмы в Буддхи-Манасе; она соответствует Анандамая Коша и тому сохраняющемуся телу, в котором обитает Божественная Триада в продолжение всей манвантары.

Эти три деления практической Йоги соответствуют трем планам мира в его проявлениях: плану астральному, внешним проявлением которого служит план физический, что и позволяет нам на практике рассматривать эти планы как одно целое¹⁵. Сюда относится и Стхулопадхи. Далее идет план психический; в нем заключаются все виды страстей и желаний, а также и все виды разума. Это и есть Сукшмопадхи. Над этим последним находится план духовный, это область высшая, Каранопадхи.

Таким образом, эти три Упадхи соответствуют трем областям мира: астральной с физической, психическим высшей и низшей и наивысшей области — духовной. Практическая Йога принимает это деление, так как сознание может пребывать на одном из этих трех планов, и на каждом из них должно иметь тело, или, лучше сказать, колесницу, в которой оно пребывает. Йога возможна только при существовании этих упадхи, где сознание могло бы действовать на этих трех великих планах проявленного Космоса. Йога научает человека развивать или сокращать эти упадхи, чтобы он мог оставаться на том или другом из этих планов, исследовать их и соединить вместе. Процесс проявления мира есть только развитие этого объединенного сознания.

В Писаниях сказано, что мир существует для Души. Все, что приятно Ишваре, — это хорошая Карма, все, что неприятно Ему, — дурная. Под Ишварой понимается Божественный Разум, составляющий одно с разумом в человеке. Поэтому-то и надо развить эти оболочки, для того, чтобы получилось полнейшее единение между ними, и разум мог бы по желанию перейти на каждый из этих мировых планов и сознательно получить на нем знание, присущее этому плану.

Это необходимо уяснить себе для нашей работы. Теперь является вопрос: каким образом эти планы и эти Упадхи соответствуют тому, что называется состояниями сознания или условиями, в которых находится Атма? В Шастрах это обозначается разными терминами, смотря по тому, как мы будем рассматривать вопрос, с точки ли зрения Атмы и состояний, в которых она находится, или же будем извне рассматривать Атму как разные виды сознания.

Рассматривая состояния сознания, вы получите три стадии: бодрствование, сновидение и глубокий сон. Это обозначается терминами: Джаграта, или

обыкновенное сознание при нормальной жизни во время бодрствования; Свапана — сознание во время сна; и Сушупти — глубокий сон без сновидений. Есть еще четвертое состояние — Турия, но его не существует в проявлении. Оно уже составляет переход ограниченного сознания во Все. Поэтому оно и лежит вне области колесниц, ибо там Атма является как таковая; она сбросила все оболочки и нашла себя саму. Пока мы имеем дело с оболочками, для нас существуют только три состояния, не считая Турии. В этом последнем нет условностей. Человек может достигнуть его, но он не приносит в него никаких колесниц. Это состояние освобождения. В состояние это переходят через Дживанмукта, но джива или окончательно выходит за пределы всяких колесниц, или, переходя в него, как чистая джива, может опять вернуться обратно; колесницу нельзя нести туда, ибо там не существует границ. Это Единое и Все.

Обратимся теперь к Мандукья упанишаде, она коротка, но значение ее бесценно, если вы выберете ее предметом размышления и поймете ее сокровенный смысл. В ней говорится не о состояниях сознания, но об условиях существования Атмы. Сперва говорится об Вайшванара, относящемся к бодрствованию; в нем Атма познает мир внешний. Там сказано, что соприкосновение с внешними телами и есть свойство этого состояния. Оно и находится поэтому в низшей из трех колесниц. Из нею оно переходит в состояние сияния (Тайджаса). Тут сознание изучает, как там говорится, внутренние предметы; провод для этого будет Сукшмопадхи; оно пребывает в мире внутреннем. Сознание переходит из него еще раз в состояние знания, Прашна. Оттого-то и говорится, что знание однообразно, что сущность его — блаженство и только уста — знание. Заметьте хорошенько эти слова, которые освещают вопрос. Сущность этого состояния — Блаженство. Это указывает на присутствие Анандамая Коша. Уста его — знание. Вникните в смысл этого выражения, и вы увидите в нем намек на присутствие того, что может стать, но еще не стало произнесенным словом. Это потенция речи, произнесения слов, ибо речь принадлежит низшему плану. Уста его — знание, означает, что уста его тут, но по существу состояние это само блаженство. Когда из этого состояния проявится Атма, она спустится в область речи, и уста будут в состоянии произнести сказанное слово, на этом же плане нет слов. Существует потенция звука, а не самый звук.

Наконец мы доходим до четвертого состояния. Выразить его словами нельзя, его можно определять только отрицательно. Это сама Атма, сам Брахман. Это священное слово в Его целом, а уже не составляющие его буквы. Вам даны три буквы А, У, М; каждая из них соответствует одному из состояний Атмы. Наконец односложное слово произнесено, ибо Атма опять составляет одно целое, причем не может быть и разделения букв.

Вы видите, как даже при таком поверхностном объяснении можно почерпнуть из книги много знания, а мы только слегка коснулись этого вопроса. Вы сами должны отыскать сокровенный смысл намеков, но и это одно уже наведет вас на путь Йоги, так как вы узнаете три стадии, три ступени или три состояния Атмы. Как же осуществить их на практике?

Каковы должны быть первые шаги для того, чтобы применить на практике все это теоретическое знание. Я хочу сказать, применить его постольку, поскольку это

возможно для человека, который живет в мире и у которого есть семейные, общественные и национальные обязанности, но он все же желает подготовиться к истинной жизни. Мы можем узнать путь по некоторым намекам на то, что лежит вне нашей сферы. Конечно, внезапный переход к настоящей, практической Йоге невозможен для человека, который ведет обычный образ жизни. Такая попытка не имела бы никакого успеха. Даже если человек и сильно желает этого, у него не хватит сил вынести те удары, которые он испытает при первом усилии проникнуть во внутреннюю жизнь. Вы не можете сделать и шага, не испытав сильной реакции. Вы не можете прыгнуть высоко вверх, не ощутив толчка при возвращении на землю. Потому-то древние мудрецы и не позволяли людям сразу вступать на путь отречения. Это было запрещено для всех, кроме исключительных случаев, когда душа, сильно подвинувшаяся вперед в своем развитии, снова воплощалась и с детства проявляла особые способности.

Обычный путь был строго размерен, и человек мог брать от религии только то, что соответствовало его внутренней потребности. Вся жизнь была религиозна и сопровождалась постоянными религиозными обрядами, и в эти обряды человек мог вносить ту духовную энергию, какую сам желал и мог принести. Если он мог исполнять эти обряды только формально, то и тогда они служили ему напоминанием о жизни нематериальной; если же он исполнял их с благоговением, он подвигался на шаг вперед. Когда же он отдавался им от всего сердца, обряды эти подготавливали его к позднейшей жизни. Если он, выполняя все обряды и ведя образ жизни грихасты обыкновенного человека, выполнил все возложенные на него обязанности, он мог идти дальше и по желанию стать отшельником или подвижником. Постепенными упражнениями он готовил себя к отысканию Гуру и к истинной духовной жизни.

Прекращение дурных поступков — это первый шаг на пути Йоги. Это избитое предписание каждого вероучения, но это не умаляет его значения. Без этого невозможна никакая Йога, кроме той, которая ведет к разрушению. Очищение жизни и прекращение дурных поступков и будет первым шагом. Тот, кто ведет себя дурно, не может вступить на путь Йоги, своим умом и чувствами, — он не может найти Атмы. Оттого-то прекращение дурных поступков и будет первой подготовкой; но если вы кому-нибудь посоветуете начать с этого, он только пожмет плечами, скажет: «Конечно», — но не выполнит этого на деле. А до тех пор нельзя начинать практиковаться в Йоге. Пока человек не начнет очищать свою жизнь, пока он не будет правдив так же в мыслях, как и в словах, пока никакие искушения не заставят его свернуть с настоящего пути; пока, по крайней мере, его помыслы и желания не будут направлены к добру; пока он не будет сознавать своих падений и пытаться подняться всякий раз, как он падает, пока он не попытается создать себе идеал и провести его в жизни, — до тех пор все это будут лишь пустые слова. Все религии предписывают это, но трудно бывает исполнить это на первых порах. Для огромного большинства людей Йога остается пустым словом.

Всякая попытка практиковаться в ней, если не соблюдены эти правила, будет то же, что пытаться бежать, не научившись сперва ходить. Человек уподобится ребенку, который спешит идти вперед и падает, пока не научится быть осторожным и удерживать равновесие.

Я особенно настаиваю на этом, так как существует много упражнений, которым можно научиться, не исправив сперва свою жизнь, но это ведет не к добру, а к злу. Гораздо легче взять книгу о Йоге и исполнять в продолжение нескольких минут, даже часов (в течение дня), указанные там упражнения, чем следить за каждым днем своей жизни и улучшать её с каждой минутой. Это гораздо легче, но это приносит мало пользы. Есть разные методы для дисциплинирования себя в обыденной жизни, но если человек твердо решился обуздать свой ум и тело, он сам составит для себя правило на каждый день, по мере надобности. Это безразлично, каковы будут правила, лишь бы они были чисты и возвышенны. Раз человек будет следовать правилам, которые он составил для себя, значит, он сумеет и урегулировать свою жизнь и будет выполнять в известные часы то, что предполагает заранее сделать. Я приведу простой пример: человек назначает себе час для вставания, но когда пробьет час, ему хочется спать, и он не встанет. Суть не в том, что он встанет на четверть часа раньше или позже, а в том, выполнит ли он или нет свое решение. Когда делаешь то, чего не хочется, укрепляешь свою волю, а без крепкой воли невозможен никакой прогресс; только крепкой воле подчиняются ум и тело. Силу воли легче всего приобрести ежедневным упражнением. А когда ум и тело находятся в подчинении у человека, то никакое искушение, никакая лень не могут ему помешать: он уже сделал первый шаг на пути Йоги, подчинив тело и ум тому, что выше их. Крепкая воля человека становится в нем орудием для дальнейшего прогресса.

Рассмотрим еще вопрос о пище, не в буквальном смысле питания тела, а в другом весьма важном отношении. Вы знаете, что известный род пищи запрещен людям, которые ведут духовную жизнь. Пища должна соответствовать той цели, которую вы себе наметили в жизни. Тут нельзя выкинуть ни одного предписания. Вы избираете для себя известный род пищи, смотря по цели, какую вы избрали. Потому-то и существовали для Брахманов такие строгие правила относительно того, что можно и чего нельзя было делать. В те времена быть Брахманом значило стать человеком, который преуспевает в духовной жизни и желает быстро идти вперед по этому пути. Брахману предписывалось употреблять в пищу только те вещества, которые обладают свойством саттвы (гармонии); ему не позволяли вводить в тело то, от чего он старался его очистить, а именно, пищу, обладающую свойствами раджаса (страсти) и тамаса (лени). Питаться подобной пищей значило бы падать, а не возвышаться.

Тело, правда, составляет низшую часть нашего существа, но из этого не следует, что мы должны пренебрегать им. Когда вы подымаетесь на гору, вам нужно стараться облегчить свою ношу. Если ноша и будет тянуть вас книзу, все же восхождение будет легче, если ноша будет менее тяжела. То же самое вы должны сделать и со своим телом; на пути к духовной жизни оно не помогает вам, оно тянет вас вниз. И вы желаете, насколько возможно, ослабить эти телесные путы. В этом и заключается смысл предписаний. Если в человеке нет ничего, кроме внешнего, если у него нет стремлений подняться вверх, то безразлично, легка или тяжела его ноша: ноша эта всегда будет на земле, которая будет ее поддерживать, и она не будет тянуть человека вниз. Привяжите камень к столбу, будет он тяжелый или легкий — это не имеет значения, так как у столба нет стремления подняться вверх. Но привяжите камень к воздушному шару, вы увидите, что,

уменьшая вес камня, вы позволяете шару подняться, и он поднимется, унося за собой и камень, когда сила, уносящая его вверх, преодолеет вес мертвого камня, который тянул его книзу.

В этом смысле и надо смотреть на тело и понимать предписания. Когда дух свободен, внешние формы безразличны. Все обряды и религиозные церемонии, которые связывают еще не освобожденную душу, становятся излишни, когда душа достигла освобождения и ничто уже не держит ее. Религиозные обряды должны быть теми крыльями, которые поднимают душу вверх, не взирая на груз. Но если груза нет и душа свободна, она уже не нуждается в крыльях. Она поднялась в ту атмосферу, которая ей свойственна, где господствует равновесие, где для нее нет верха и низа, ибо она в центре, который и есть Всё.

Эта мысль должна стать в основе вашего суждения о ближних. Лучше было бы, если бы вы никогда не судили их. Какое право имеет каждый из вас судить своего брата? Что вы знаете об его прошлом? Знакома ли вам его Карма? Знаете ли вы, какие условия окружают его? Что вы знаете о той внутренней борьбе, которая происходит в нем, об его стремлениях и ошибках? По какому праву судите вы его? Судите себя, а не других. Если вы судите человека только по тому, исполняет ли он или нет те или другие предписания, вы вредите себе больше, нежели ему. Вы произносите суждение в сфере низшей и вредите внутренней, омрачая её недоброжелательством и недостатком сочувствия.

Существует много внешних предписаний, которые учат, как обходиться со своим телом; одни из них весьма полезны, другие же вредны. Вот, например, одно неопасное упражнение, если делать его умеренно и особенно здесь, в Индии, в стране, где существует долгая физическая наследственность и практика тысячи поколений. Упражнение это, знакомое всякому Брахману, известно под именем пранаямы — задержки дыхания. Делают это с очень определенной целью, чтобы все внешние предметы скрылись из виду, и душа, оторвавшись от внешних ощущений, обратилась бы к уму. Это первая степень упражнений Йоги.

Прекращение физических ощущений, задержки дыхания и служат, если можно так выразиться, облегчением нашей ноши, чтобы ум мог легче уйти из мира внешнего. Но если эти только до известной степени показанные предписания выполняются людьми, которые мало подготовлены к этому своей физической наследственностью и к тому же делают эти упражнения со свойственными западным людям упорством и энергией, — упражнения эти представляют большую опасность. В таких случаях пранаяма может вредно отозваться на некоторых телесных органах, быть причиной болезни и даже смерти.

Даже и вам, людям Азии, неразумно доводить далеко такие упражнения, если при вас нет опытного руководителя, который предупредил бы вас, когда вам грозит опасность. Это упражнение совсем неподходящее для европейца, у которого нет наследственной физической подготовки к нему, да и среда, в которой он живет, не годится для упражнения, влияющего на психофизическую жизнь.

В Хатха-Йоге, как её называют, упражнения эти могут быть доведены гораздо далее. Вы видите аскетов, которые достигают крайних пределов, делая какое-

нибудь упражнение. Например, они поднимают руку и держат ее в таком положении, пока она не высохнет, или же сжимают руку в кулак и держат ее в этом положении, пока ногти не прорастут сквозь ладонь. Одни глядят упорно на солнце, другие достигают раздвоения своего тела и т. д.

Многим из вас верно удавалось наблюдать подобные упражнения.

Имеет ли это какое-нибудь значение? К чему это делается? С какой целью? Несправедливо было бы сказать, что упражнения эти не имеют никакого значения. Прежде всего они ясно свидетельствуют в наш век о силе внутреннего стремления, которая преодолевает все препятствия плоти и все физические искушения, чтобы достичь того, что считается выше этой физической жизни.

Нельзя осудить этих людей и не упомянуть о той пользе, какую они указали человечеству.

В этом мире, где люди ищут обладания земными благами, деньгами, местами, властью, славой, похвалой людской, — бесполезно, чтобы некоторые люди поступали именно так, как эти аскеты и презирали бы всё, чего ищут другие люди. Самые их страдания свидетельствуют о присутствии души в человеке и о значении того, ради которого можно вытерпеть пытку. Я полагаю, что нельзя легкомысленно называть безумными этих людей, даже если и не оправдываешь их поступки. Надо признать в них силу благоговения, которая умерщвляет плоть в поисках души. И если, как я и сама это думаю, метод их и неправилен, все же жизнь этих аскетов благороднее, чем жизнь людей, ищущих преходящих земных благ. Благороднее падать в поисках высшего, чем искать только земного, пренебрегая высшим.

В жизни их есть и другая сторона, которая получит свою награду в будущем их воплощении. Путем этих методов они, правда, никогда не достигнут духовного плана, но зато разовьют в себе силу воли, которая в будущем рождении поведет их далее по истинному пути.

Подумали ли вы когда-нибудь о том, какова должна быть эта сила воли, не тогда, когда положение стало привычным, а при первых попытках, где каждая минута является пыткой? В это время развивается душа и, отдавая дань страданию, вы получаете то, чего ищете. Сила воли вырабатывается страданием, и эта сила вернется к ним в будущей жизни. Может быть, тогда эта сила, освещенная верой, укажет им другой образ жизни и откроет им путь к истинному знанию.

Если в этом воплощении они и не достигнут духа, — в будущем воля, соединенная с верой, поведет их гораздо дальше тех, кто считает себя мудрее этих фанатиков, какими и я считаю этих людей.

Вы можете предложить мне вопрос: «Что же, и нам следовать их примеру?» Нет, я уже сказала, что считаю это ошибкой. Я упоминала об этих аскетах только потому, что слышу много разных насмешек и глумления над ними со стороны людей, которым далеко до этих фанатиков, осознавших смысл духовной жизни и пытающихся осуществить ее на деле.

Следует упомянуть еще об одном подвиге, который состоит не в полном самобичевании, а в удалении из мира в леса. Поступок этот считают эгоистичным, но не всегда он таков на самом деле. Примеры духовной жизни вносят собой ту атмосферу духовности, которая мешает падению страны. Они утверждают существование духовной жизни, которая может быть вызвана к деятельности.

Самой возможностью своего возрождения Индия обязана этим отшельникам, поселяющимся в лесах и джунглях. Они помогают созданию такой атмосферы, где возможны вибрации, благодно влияющие на внешнюю жизнь людей.

Но какова цель Хатха-Йоги?

Хатха-Йога пробуждает астральное тело и приводит в колебание астральные центры; при этом можно достичь поразительных результатов во внешней области. Но достигать этого вредно, так как возбуждение физических и астральных центров, идя снизу и не сопровождаясь соответствующими возбуждениями Ума и Духа, скоро достигает своего предела. Такое возбуждение искусственно, оно не развивается нормально и постепенно, а для того, чтобы результаты, достигаемые им, передавались из одной жизни в другую, оно должно исходить из высшей области. Упражнения Хатха-Йоги, происходящие в сфере низшей, дают те же результаты, что и гипнотизм, при котором подавление внешних чувств может повести к их атрофии и полному парализованию.

Долгие упражнения Хатха-Йоги делают невозможными занятия Раджа-Йогой в том же воплощении. Поэтому говорят, что Раджа-Йогу нужно постигать, когда разочаруешься в Хатха-Йоге. Это не значит, что не следует делать физических упражнений и что не следует в конце концов развить в себе эти психические силы, но они должны явиться как естественный результат эволюции духа, а не искусственного возбуждения сперва физического, а потом и астрального тела; начинать с этого конца значит ограничиться пребыванием на плане психическом. Начать же с области Духа — это значит достигнуть слияния всех планов воедино. В этом и заключается существенное различие между этими двумя формами Йоги. Путь Раджа-Йоги единственный верный, но это путь медленный и трудный. Силы, приобретенные этим путем, сохраняются во всех последующих рождениях; тогда как упражнения Хатха-Йоги позволяют прогрессировать только на плане психическом.

Теперь я хочу сделать вам несколько указаний относительно тех упражнений, которые можно делать ежедневно без вреда для себя. Вы, может быть, помните, что в Упанишадах говорится, что человек уже после того, как он сотворен, еще, если можно так выразиться, оживляется Дэвами. Высшая Душа вопрошает: «Как я войду в него?» И проникает в человека через то место, где разделяются волосы на его голове, т. е. через центр черепа, Брахмарандра. Душа пребывает в трех местах: в правом глазу, во «внутреннем органе» и в сердце. Это весьма многозначительно. Правый глаз означает чувства внешние; «внутренний орган» — мозг и разум, а сердце — внутреннее «я» человека. И Душа проникает в человека постепенно; сперва в глаз, т. е. в чувства, потом во внутренний орган — в ум, а затем уже в сердце, которое она избирает своим местопребыванием. Вот объяснение того тройного деления, о котором я вам говорила вначале. Каждое из них относится к

одной из упомянутых стадий или состояний. Мы и начинаем упражнения в каждой из этих стадий, пока в мире не найдем своею Гуру. Всякий из вас, начав практиковаться и овладев низшей стадией, может перейти на высшую. Из этого следует, что в поисках Души вы прежде всего имеете дело с чувствами. Вы можете представить себе умственно какой-нибудь образ и сосредоточиться на нем до тех пор, пока ничто внешнее не будет оказывать на вас никакого влияния. Это и есть сосредоточение ума в себе самом и удаление внешних ощущений.

Почему бы каждому человеку и не упражняться в этом ежедневно? Почему не приучить свой ум отвлекаться от всего внешнего и, обратившись внутрь, замкнуться в своих пределах? Все умные люди делают это инстинктивно. Все великие люди действовали так же. Прочтите биографии великих писателей, которые дали миру бессмертные произведения литературы, и вы увидите, что, когда они предавались творчеству, они забывали о своем теле; они сидели, погруженные в свои мысли, забывали о пище, просиживали таким образом целый день, иногда и ночь, забывая о сне, о всяких потребностях тела, — и все это потому, что они отвели ум от внешних ощущений и сосредоточили его в себе самом.

Таковы должны быть условия для всякой плодотворной работы мысли. Для медитации требуется еще нечто большее. Но все же начать следует с того, чтобы отвлечь душу от внешних ощущений, иначе она все будет стремиться выйти наружу, и вам придется призывать ее обратно в настоящее место её пребывания. А для этого и надо устранить всякие ощущения. Никакой прогресс невозможен без этого. Это полезно и с обыкновенной точки зрения. В древних книгах рекомендуется такое сосредоточение ума как предварительная ступень к Йоге; оно составляет условие всякого успешного труда. Человек, способный сосредоточиться, способен и победить интеллектуальный мир. Тот, кто может свести все свои способности в одну точку, устремляется, по выражению Патанджали, «в одно острие». Такой человек может умственно прогрессировать. Вы не можете провести широкий предмет через разные препятствия, если сперва не обострите его; тогда он проникает повсюду. То же происходит и с умом. Если вы разбрасываетесь в ощущения, ум рассеивается. Тогда отсутствует сила, которая толкает его через препятствие. Но сосредоточьте его в одной точке — сила, стоящая за ним, протолкнет его вперед. Уму необходимо сосредоточиться даже при решении самых обыкновенных вопросов.

Когда вы достигнете полного сосредоточения, вы перейдете уже на вторую стадию (Свапна), где ум должен сосредоточиться на внутренних представлениях, на понятиях и идеях, а не на тех предметах, от которых они возникли. Ум видит представление о предмете, а не самый предмет. Чем полнее вы можете это сделать, тем ближе вы к состоянию Свапна. А раз вы его достигли, вы уже сделали один шаг на пути Йоги, ибо вы стали способны привести душу во внутренний орган. При этом возможен и дальнейший прогресс.

Следующая стадия все еще принадлежит состоянию Свапна. Она состоит в умении не только углубить ум в самого себя, но и удержать его там, мешая вторжению нежелательных мыслей.

Представьте себе, что вы оградили себя от внешних побуждений, и никакие ощущения уже не выведут вас из состояния сосредоточенности, но мысли еще могут это сделать. Ум может еще не быть вполне огражден от мыслей. Он поставлен в невозможность получать ощущения извне. Ум получил та- ! кую устойчивость, что если другой человек подойдет к вам и дотронется до вас, он не выведет вас из состояния абстракции. Но в глубине ума еще нет этой устойчивости, и мысли могут проникать туда, куда уже не проникнут ощущения. В ум могут проникнуть мысли из своего собственного плана. Для этого нужна другая степень сосредоточенности. Вы должны уметь убивать мысли. Как только появится нежелательная мысль, ее надо отбросить. Сперва выделаете это сознательно. Но уже само сознание присутствия другой мысли есть недостаток сосредоточенности. То, что вы замечаете мысль, доказывает, что она произвела на вас впечатление. Вы должны сознательно уничтожить ее. Как только она явится, вы уже её отбрасываете. Это процесс медленный, но если вы делаете это в продолжение нескольких месяцев, даже лет, это обратится в привычку. Ваш ум приобретает такую способность отталкивания, что способен будет вас самих привести вовнутрь, и тогда всякая мысль, идущая извне, сама собой будет отброшена от вас. Происходит то же, что с быстро вращающимся колесом. Когда колесо вертится медленно, то всякое прикоснувшееся к нему тело может остановить его движение. Если же оно вертится с большой быстротой, оно отбрасывает в сторону все, что приблизится к нему. Отталкивающая сила находится в прямой зависимости от быстроты вращения колеса.

Когда вы приобретаете привычку откидывать мысли, вы становитесь недостижимы и для ума, как и для чувств, т. е. ум ваш устремляется вглубь, в себя и автоматически отбрасывает всё, что желает в него проникнуть.

Это опять-таки полезно и с обычной точки зрения, ибо ум при глубокой сосредоточенности не истощается. Не давая к себе доступа ненужным мыслям, не уделяя им внимания, он не растрчивает на них энергию, не теряет свою силу, он остается без мысли, пока от него не требуется работы, вместо того, чтобы быть вечно занятым, как постоянно заведенная машина, которая от этого портится. Он превращается в машину, которую заводят по желанию.

За пределами этой стадии сознательный прогресс невозможен без помощи Учителя. Я сказала — сознательный, так как вы можете и не сознавать присутствия неведомого Учителя. Существует еще путь к бессознательному прогрессу, при котором вы тоже не сознаете чьей-либо помощи, но это достигается уже не знанием. Если вы хотите идти путем знания, вы должны найти себе Учителя.

В мире есть нечто сильнее знания — это благоговение. Это сам Дух, и кроме сознания вы можете на помощь себе раскрыть широко врата Души и не прятать её от солнца; оно проникнет в Душу, осветит и очистит её без всякого участия вашей низшей «я». Благоговение и есть раскрытие Души. Это не действие, а состояние. Оно означает признание над собой чего-то Высшего, чем вы сами, более прекрасного, чем то, к чему вы относитесь критически, что вы постигаете знанием. Вы преклоняетесь перед этим высшим, падаете ниц в обожании и молча ждете, будет ли произнесено какое-нибудь слово.

И в тайнах Духа возможен прогресс, ибо благоговение открывает путь для света. Свет всегда тут, но мы не осознаем его.

Все, о чем мы говорили, и есть совлечение оболочек, одна за другой, чтобы мы могли увидеть свет. По мере того, как спадают оболочки, он сияет все яснее; он не стал сильнее, но мы не могли извне видеть за оболочками этот внутренний свет. Благоговение изнутри срывает оболочки, и свет сияет, ибо таково уже его свойство. Мы сами создаем препятствия и мешаем свету прорваться наружу.

Оттого-то у человека непросвещенного вы можете иногда встретить духовное знание, которое выше интеллектуального знания какого-нибудь великого гения. Он видит сердце вещей. Почему это? А потому, что внутренний свет прорвался наружу, благоговение отверзло те очи, куда проникает свет, озаряющий все тайники. Одно знание не может совлечь оболочек. Тут нужна и любовь, которую человек сам найдет в себе; проникая через одну оболочку за другой, он сам отыщет путь к стопам Господа.

Этого можно достигнуть не только в лесах и джунглях, но повсюду, где человек может отрешиться от земного. Отрешения от внешнего не нужно, нужно только, чтобы Душа человека отреклась от всего мирского и чувственного. Про это и хочет сказать Шри-Кришна, когда говорит о благоговении. Размышление есть раскрытие Души перед всем Божественным, чтобы оно засветилось внутри беспрепятственно.

В этом и состоит отречение; человек должен отказаться от всего, что у него есть, и создать место, куда мог бы проникать свет. Отречение — это непривязанность к плодам действия. Он делает все только потому, что живя в мире, он должен действовать. Шри-Кришна говорил: «Я всегда нахожусь в действии». Почему? Потому что без действия колесо бы остановилось. То же происходит и с человеком, предавшимся благоговению. Он совершает поступки, потому что они служат примерами для людей; его Карма заставляет его жить в мире, где требуются такие поступки. Но не он их совершает.

Когда человек достиг состояния благоговения, чувства его устремляются к тем предметам, какие им свойственны, то же происходит и с умом. Но при этом человек не подчиняется ни своим чувствам, ни своему уму. Он признает своим владыкой только свое истинное «я».

И в то время, как его чувства и ум заняты предметами внешними, он вечно пребывает в состоянии благоговейного поклонения. В этом и состоит непривязанность. Он не привязан ни к чему, что создано его чувствами, хотя они и достигли бы совершенства.

Ум его может быть направлен на мирское и принимать участие в работе мира, но это не он сам. Его «я» вечно распростерто у ног Господа. Пока он тут, внешнее может делать свое дело, никакая сила не связывает его с этим внешним. Но чтобы достигнуть этой стадии, необходимо разумно упражняться в непривязанности. Вы должны научиться оставаться равнодушным к результатам, раз вы исполнили свой долг, предоставив все остальное могучим силам, действующим в мире. Силы эти

требуют только одного, чтобы вы предоставили себя им, как тот материал, в который они облекутся, пока вы составляете одно с ними. Для этого вы должны быть чисты. Вы должны всегда направлять сердце ваше к Единому реальному. Человек в состоянии благоговения всегда пребывает внутри себя, в сердце своем. Он всегда пребывает в святилище, пока тело и ум его заняты внешним. Это и есть настоящая Йога, в этом заключается ее тайна.

На этой ступени человек может узнать от своего Гуру, каким образом он может сознательно работать заодно с силами духовными. Через благоговение он уже бессознательно принимает участие в этой работе. Сознательное же участие требует знания. Гуру должен для этого руководить учеником и научить его совершенному бескорыстию в работе. Сознательное участие в работе духовных сил доставляет радость неизреченную; но и всякое другое участие придает цену жизни.

Я бы не задержала так долго вашего внимания на этом вопросе, если бы не питала надежды, что кто-нибудь из вас постигнет все значение благоговения и увидит перед собой путь во внутреннее святая святых. Я разбирала оболочки души с точки зрения интеллекта и все области мира и указывала вам пути для их исследования. Но я не выполнила бы своего долга перед вами, если б оставила вас на этом интеллектуальном плане. Поэтому-то я и пыталась, как могла, сказать вам эти несколько слов о сущности Йоги. Пусть сочтут меня безумной фанатичкой, но я все же решусь сказать, что только одно благоговение может дать уверенность в безопасности Пути. Оно одно придает силу и открывает путь в те сокровенные глубины, где пребывает Божество. Лучше невежественное благоговение, чем отсутствие всякой веры.

Лучше просто возложить ветку перед каким-нибудь деревенским Богом, как это делают в народе бедняки, уделяя что могут от своего недостатка, чем быть прославленным всемирным гением, который в гордыне своей не верит жизни Духа. Дух выше ума, как ум выше чувств. Жизнь Духа есть жизнь высшая, и она открыта всякому, ибо Дух скрыт в глубине души каждого человека, и никто не может отрицать его присутствия.

Воспитывайте же в себе уважение ко всему благородному, поклоняйтесь всему Божественному. И когда изменит вам тело со своими чувствами и ум ваш придет в упадок и не будет в состоянии служить вам, — тогда вечный Дух, эта жизнь вашей жизни, восстанет в силе и, поднимаясь вверх, найдет себя самого. Но ему не для чего и подниматься, он там пребывает всегда, вечно покоясь у подножия Лотоса, своего Бога. Там нет иллюзий, боли, разлуки, там все — блаженство. Ибо сущность Божества есть Любовь и Радость; он и есть наследие Духа, которое превосходит все, что может дать временный мир.

Глава IV

СИМВОЛИЗМ

Символизм — это общий язык всех религий. Под этим подразумеваются некоторые общепринятые формы, которые вызывают у всякого посвященного в них определенную идею. Вы можете точно таким же образом составить идеографический язык, который каждый будет читать на своем наречии. Можете придать каждому арифметическому числу известное значение, и если выразить это словами, слова эти будут различны на разных языках. Во все времена у людей, изучающих религию, существовал общий язык, на котором они могли общаться друг с другом. К какой бы национальности ни принадлежал человек, какой бы вид религии ни был распространен экзотерически в стране, — раз он видел известный символ, он понимал его значение. Этим символом его посвященные собратья сообщали ему знание такое же определенное и точное, как если бы оно было произнесено на его родном языке.

Такое единство религиозных символов служит лучшим доказательством основного единства религий. Когда на далеком Западе вы встречаете тот же символ, как и в индусском храме, и он же повторяется на современных христианских церквах и соборах, и вы встречаете опять-таки его же и в Азии, и в Америке, и на многих островах Тихого океана, — тогда вы понимаете, что все народы, начертавшие этот символ, имели одни и те же понятия, одинаковые способы для их выражения, знали одну и ту же истину, поклонялись одной и той же идее. Изучение символизма позволит почерпнуть из прошлого то, что утерялось в настоящем. Раскрытие какой-нибудь великой истины позволит нам укрепить и нашу мысль. В древних книгах, написанных великими мудрецами и божественными наставниками, мы найдем скрытую ими тайну духовного знания. Они сделали это, чтобы охранить эту тайну от всех перемен и случайностей жизни, и человек, достигший известной стадии духовного развития, мог всегда иметь под рукой доступное ему знание. Таким образом, то, что хранилось веками во мраке, опять появится на свете для поучения мира. Мы особенно нуждаемся в этом теперь. Мы живем в цикле мрака, в той Калиюге, когда все духовное принижено, темные силы торжествуют свою победу и ослепляют внутреннее зрение человека. В более счастливые времена зрение это светло и ясно.

Когда приближался этот цикл, мудрецы вынуждены были скрывать в символах и под покровом мифов те истины, которые должны были храниться для будущих поколений. Истины эти скрыты не только в том, что мы называем символом, внешним знаком, но облекались и в форму аллегорий, басен, мифов и всяких обрядов. Повсюду в них скрыта была духовная истина, и время от времени появляется человек, способный видеть эту истину во внешнем символе мифа или обряда. Провозглашением этой истины он укрепит веру человека в реальность всего духовного и в тумане мрака укажет ему путь к свету. Символ не только сохраняет истину в веках, но служит и вечным свидетелем существования этой истины. Назначение символа — скрывать ее, но она должна по временам являться на свет, чтобы человек снова уверовал в нее. Теософы и работают в наши дни по воле тех божественных наставников, которые создали эти символы и отдали их на хранение различным религиям мира.

Когда истина утеряна и исчезает вера в нее, необходимо, чтобы кто-нибудь истолковал смысл символов. Разумность объяснения сама говорит за себя, и люди

чувствуют очевидность ее существования, когда она выведена, если можно так выразиться, на свет из тайников.

И вера растет тогда, верующие поднимают голову, ибо само раскрытие истины подтверждает реальность символа. Люди опять начинают верить в истину, когда она мелькнет перед ними подобно свету потайного фонаря. Значение символа состоит не только в том, что он скрывает истину, указывая ее одним мудрецам, но и в том, что он утверждает перед миром реальность духовной истины.

Потому-то некоторые из нас и настаивают на сохранении обрядов, даже если нам и непонятен их смысл. Знаю, что много людей считают обряды препятствием к прогрессу и предрассудками. Они видят в обряде одно препятствие, упуская из виду его сокровенный смысл. Часто древний памятник вещает нам о прошлом народа, а вы, желая выиграть десять минут времени, хотите снести это здание, чтобы провести через него железную дорогу по прямой линии! Но иногда разумнее потерять десять минут — столько времени теряется даром! — чем разрушить памятник и вырвать из памяти народа самое воспоминание о каком-нибудь событии.

В Писаниях духовных мудрецов точно также хранится смысл обрядов, непонятных теперь для многих, и сила их не уничтожится, когда осветится их истинное значение. Если обряды индуизма были бы изгнаны из Индии, что доказывало бы индусскому народу непреложность духовной истины? Но хранятся еще символы и обряды; путем знания мы находим подтверждение древнего учения и через символы проникаем в ум и сердце народа.

Я приведу в пример один символ, который распространен во всем мире, во всех религиях, хотя вид его несколько и видоизменен у разных народов, — я говорю об известном всем символу креста. С ним соединено у большинства представление об одной из самых новейших религий. Но это один из древнейших символов; он с незапамятных времен дошел до нас с Востока. На какую глубину ни производились бы раскопки, к какой бы севой древности ни относились развалины вырытого города, в Америке, в Европе, в Азии, в Африке — повсюду вы найдете кресты. Новейшими исследованиями открыты в Европе места, где сохранились остатки цивилизаций, исчезнувших задолго до того, как у людей могло получиться представление о Римской Империи; а цивилизации эти существовали целые века, прежде чем пришли в упадок. Раскопки, сделанные на еще большей глубине, обнаружили следы цивилизаций, от которых нас отделяют целые тысячелетия; на поверхности земли не осталось от них никаких следов, — но и тут на глиняных сосудах, сохранившихся после того, как истлели и самые кости создавшего их народа, вы увидите изображение креста. Сосуды эти найдены возле кучек праха, который рассыпается, как только разрыта могила, и крест этот, изображенный на сосудах, содержащих прах покойников, указывает на священное значение этого символа. В глубочайшей древности повсюду, где жили люди пятой расы, — везде находят символический крест. Из древних Писаний мы узнаем, что круг, позднее означавший круг горизонта, вначале был символом Вишну, т. е. времени. Круг же, это — символ бесконечного времени, а крест, на котором покоятся все Боги, все Риши, все светила небесные, изображал собою все, что существует в мире проявлений. Пойдем еще дальше, во времена, предшествующие рождению пятой

расы; от них не осталось ничего, кроме разбросанных кое-где камней, на которых опять-таки высечен знак креста. Значение этих камней знают лишь посвященные.

Возьмем четвертую расу людей, погибшую от страшной катастрофы; от нее остались лишь семена, из которых вышла пятая раса, — и у них символ креста считался таким же священным, как и у людей пятой расы.

Символ этот можно таким образом считать всемирным, и ни одна из позднейших религий не должна его присваивать исключительно себе. Крест часто был запечатлен на груди посвященных и вовсе не составлял неотъемлемой собственности одной из самых современных и экзотерических религий.

Что же такое представляет из себя крест в основе своей? На древнейших изображениях он заключен в круг. Позднее круг отбрасывается, и, лишившись его, крест теряет свое высокое значение. Крест в высшем своем смысле всегда служил символом Духа; из сферы духовной он спустился до внешнего проявления и служил символом звезд, которые являются видимым образом тех великих умов, которыми движется Космос. Значение этого символа еще более падает впоследствии, доходит до человека и получает уже смысл фаллический, запятнанный нечистыми человеческими мыслями.

Рассмотрим теперь круг. В первичном своем значении он изображал то безграничное существование, которое проявляясь ограничивает себя. Сперва это круг света, который окружает безграничный мрак. Круг света представляет из себя начало проявления Космоса.

Изучая свет, мы рассматривали сперва свет бесформенный; форма проявляется позднее как видимая сторона проявления. Первое значение круга — это проявление, ограничение, начало всех вещей. На следующей стадии появляется крест, разделяющий круг; это тот огонь, который, исходя от центра, образует два диаметра, вызывает деятельную жизнь внутри этого круга вселенной и делает возможным появление проявлений, постепенно исходящих из центра. Сначала появилась одна линия креста, та, которую проводит свет Логоса по обоим направлениям от центра к окружности. Это тот свет, о котором я упоминала во второй лекции как об исходящем из двойственного Логоса. Он то, идя к окружности, и делит круг сперва на две, а потом на четыре части. Эта-то линия света, исходящая из точки и переходящая во внешнее по четырем направлениям, и чертит крест в проявлении, символ деления на дух и Материю.¹⁶

Исходя из этого последнего деления, мы видим, как далее происходит весь Космос, символом чего будет уже вращение креста, после чего крест уже не представляет из себя двух прямых линий, но к каждому концу его прикреплен часть круга в проявлении, и вы получаете древнюю свастику, заключающую в себе не только идею разделения, но и вращения. В свастике с повернутыми линиями есть уже намек на круг, в то же время, как и на крест, но это не определенный и установившийся круг, а круг вращающийся; это уже сила, рождающая жизнь.

В связи с этим находится и символ деревянного бруса для добывания огня; тут углубление, в которое он вставляется, заменяет круг, а вертящийся посредством

веревки брус чертит крест и, вращаясь, зажигает священный огонь. Это и есть Агни, бог огня, символ той жизни, которая порождает мир. Вы видите таким образом, что круг и брус изображают половину креста, другой половиной которого является веревка, дополняющая крест и заставляющая его вращаться. Перед вами полное изображение Второго Логоса, при разделении которого становится возможным дальнейшее проявление.

Затем идет вращение, порождающее теплоту. Я, помните, обращала ваше внимание на эту теплоту как на результат действия огня. Когда сияние света переходит в огонь, тогда рождается бог огня, причина дальнейшего проявления. Проследите его, и всюду вы увидите в нем символ Бога, проявленного Бога, мировую силу, творящую и рождающую. Высшим смыслом этого символа будет Бог, рождающий Космос. В низшем смысле это детородный орган, которому поклонялись в разных видах, унижая его истинный смысл.

Слепой глаз материалиста видит лишь фаллическое значение и непристойное толкование в том, что в высшем смысле имеет начало в Логосе, проявляющемся в мире вещественном. Мы постоянно находим крест в руках богов, на древних изваяниях; только форма креста меняется, согласно типу, принятому в каждой религии. Символический язык имеет тут и другое применение, так как по форме креста мы можем судить о степени религиозного развития народа.

Возьмем для примера Египет. Там вы увидите крест и круг в другом виде. Это уже не крест с двумя равными концами, начертанный в круге, символизирующем время. Он превратился в букву Т одним концом вниз; крест не вписан в круг, а самый круг покоится наверху буквы Т. Тут круг означает не время, а служит символом женского начала. Подобный крест нарисован на фресках в пирамидах в руках богов, которые держат его. Крест служит тут символом человеческой жизни. Когда настанет время душе вернуться в лежащую мумию, появляется бог, держащий в руках такой тау с кругом — крест жизни. Бог прикасается этим крестом к устам мумии, и душа возвращается в тело, воскрешая его к новой жизни.

После того, что мы видели, как крест в Египте постепенно утерял свое высокое значение, проследим этот символ в той форме, какую он принял в Индии, где мы находим его в руках одного из богов. Вы увидите, что символ этот имеет тут еще более тонкий и прекрасный смысл. Посмотрите, как иногда в храмах изображен Шива Махадева в образе Маха-Йога, великого аскета. Он сжег на огне Тапаса всю низменную сторону своего существа и стал чистым огнем; все остальное исчезло. Маха-Йога держит в поднятой руке веревку, имеющую форму не круга, а уже овала. Он держит ее между большим и другими пальцами руки, причем эта последняя изображает крест, на котором покоится овал. Каково же значение этого символа, ставшего позднее изображением производительной силы, жизни, в руках великого Йога, главы Аскетов? Разве Йог не отрешился от производительной деятельности и не изображают ли его часто в девственном образе Кумары отказывающимся от творения и ничего не имеющим общего с физическим проявлением? Здесь символ имеет еще более высокий смысл. Овал в руках великого аскета для всякого, кому знаком язык символов, уже не имеет того значения, какое ему было придано впоследствии.

Овал представляет из себя третье духовное око, то, что открылось при помощи Тапаса уму аскета, когда он достиг известной ступени и подчинил свои низшие чувства. Рука, держащая крест, означает распятие низших страстей своей природы, посредством которого Йог только и может достигнуть духовной жизни. И Бог, этот великий Йог, держит руку поднятой, чтобы показать, что все страсти его распяты, а подавление низших сторон природы дает возможность развиваться высшим. Крест таким образом открывает те врата, через которые проникает свет духа. Тогда раскрывается третье око, око Шивы, знакомое всякому индусу, если не по смыслу, то хоть по имени. Как же проявилось это третье око?

Припомните древнее сказание о том, как Шива сидел, погруженный в Тапас, а индусский бог любви пытался пронзить его своими стрелами. Но лоб Шивы открылся, и из третьего ока изошел свет, луч которого испепелил бога-искусителя.

Теперь, когда вы войдете в храм великого бога, где он изображен в образе Маха-Йога, и увидите веревку в руке его, вы поймете ее сокровенный смысл. Вы можете пойти еще дальше и извлечь из этого поучение; вы поймете, что человек обладает силой, которая может быть направлена на низшую или на высшую жизнь, — для создания новых форм или же на развитие в себе сил духовных, но никогда не на обе одновременно.

Потому-то и требовалось от аскета безбрачие оно служило необходимым подготовлением к раскрытию третьего ока. Всегда понятие об аскетизме включало в себя и понятие об абсолютной физической чистоте.

Вы можете направить течение жизни вверх, в область Духа, или вниз, в область материи. Если вы ищете проявления, вы не можете одновременно подняться до могучей производительной энергии сферы духовной.

И когда Шива поднимает крест с веревкой, это означает, что третье око открылось, жизнь сосредоточилась в голове, в области высшей. Отверзлось третье око аскета, и победа Духа обеспечена.

Поищем теперь смысл другого символа, в котором материя и Дух слиты воедино. Перед нами уже не крест с овалом, а два переплетенных треугольника, которые указывают, что Дух и материя не разделены, и указывают на их слияние во всевозможных проявлениях в мире явлений. Треугольник, обращенный острием вверх, означает огонь или Дух, а тот, который обращен вниз, изображает воду или материю; они слиты воедино. Это и есть символ слияния Духа с материей в мире проявлений. Суть заключается в том, что слияние это продолжается все время, пока длится проявление. Этот двойной треугольник обыкновенно служит символом двух индусских богов, Шивы и Вишну, если их рассматривать как два аспекта Единого. Треугольник, поднятый острием вверх, — это Махадева, огонь. Бог, движущийся по водам Нарайана, изображается треугольником, обращенным вниз. Он изображает бога, превращающегося в материю и дающего возможность возникновения явлений.

Тут опять получается символ двойственности, так как оба бога изображены как Единое в своей сущности и двойственное в своих проявлениях, под видом огня и

воды, положительного и отрицательного, мужского и женского начал. Это поможет уяснить многим из вас, на что намекают Писания, и вы поймете внутреннее сродство двух великих богов Индии.

Тут кстати будет припомнить одно сказание, которое уничтожает в корне все несогласия, существующие между различными современными сектами, т. е. скорее сравнительно позднейшими. Из имени богов создают себе преграды, тогда как это должно было бы служить источником их единения. Вспомните, как поклонник Шивы ненавидел своего соседа, который поклонялся Вишну; оба исполнены антагонизмом, а не истинно религиозным духом; и все это потому, что избрали предметом поклонения различные образы Бога.

Однажды, когда этот поклонник Шивы со злобой в сердце на поклонника Вишну склонился перед Махадевой, изображение божества внезапно изменилось на его глазах. Перед ним стоял Шива, как бы разделившийся надвое: одна сторона сохраняла образ Махадевы, а другая приняла вид Вишну, и обе слитые половины улыбались ему.

Если бы в наше время вникали в смысл этого сказания, не существовало бы раздоров между сектами, которые все поклоняются Единому Богу в разных видах, вражда между братьями стала бы невозможной.

Изучая эти символы, мы пришли, таким образом, к сознанию в них божественного смысла, который скрывается за этой внешней их формой.

Весь ход мыслей привел меня к весьма конкретному символу. Я выбираю его нарочно, чтобы проследить всю его эволюцию и показать вам, как свойственная развитому уму абстрактная идея вытекает из самого конкретного символа. Этот последний необходим, чтобы уяснить человеку невежественному какое-нибудь религиозное понятие. Позвольте мне немного отвлечься от вопроса и слегка коснуться тех разногласий, которые терзают современную Индию.

На Западе обыкновенно ей ставят в упрек ее идолопоклонство, и те, кто бывал тут, горько смеются над ее идолами и религиозными обрядами, даже не пытаясь вникнуть в их смысл и спросить у верующих, что они означают. Эти приезжие смотрели на все со стороны с предвзятым взглядом иностранца и, возвращаясь домой, распускали слух о бедных идолопоклонниках-индусах. Они уверяли, что необходимо укрепить в них духовную веру и поднять их с того низкого уровня, на котором они находятся. Вопрос об идолопоклонстве весьма важен, ибо в нем заключается и другой существенный вопрос: нужно ли в вопросах веры приспособляться к невежественным умам? Каким образом религия, доступная людям, стоящим на низкой ступени развития, может стать предметом уважения людей развитых, стремящихся к свету? Это задача трудная. То, что нужно для просвещения человека неученого, не может удовлетворить философа и глубокого мыслителя. Символизм, говорящий уму первого, будет отталкивать последнего. Если вы будете утверждать, что религия должна быть одна и та же для всех людей, тогда перед вами представятся два решения; или религия будет одна для всех, и тогда вы должны низвести ее до уровня самого неразвитого ума и понимания. Философ должен спуститься до уровня всякого землеша или ребенка, и его

высокие стремления должны сократиться до пределов того, что понятно всякому невежде. Или же у каждого человека будет своя религия, и тогда вы должны допустить различие представлений, согласно умственному развитию человека. Для философа религия будет носить характер философский, для ребенка — детский, и не будет ее унижением, а только подготовкой ребенка к будущей эволюции, которая поднимет его на высочайшие вершины религиозного сознания.

На Западе был принят другой метод. Там пытались упростить религию до того, чтобы «всякий разносчик» способен был понять ее. В Англии под словом «разносчик» понимают человека, стоящего на самом низком уровне развития; среди вас это был бы пария. При мне как-то раз говорили, что теософия не может принести пользу человечеству, так как она выше понимания всякого разносчика. Как же такое понижение умственной стороны религии отразилось на европейской мысли? Получилось то, что ум народа поднялся выше религии; наблюдается полный разлад между интеллектом и религией. Величайшие умы не признают религии, которая не отвечает их высоким стремлениям и не дает пищи духовной стороне их личности. Этой ценой куплено унижение божественного идеала, но он стал доступен умам невежд.

Индия шла другим путем. Здесь всякому известно, что люди находятся на разных ступенях эволюции, и то, что представляется истиной крестьянину в поле, то не кажется истиной брахману, предающемуся медитации. Оба имеют свои права в религиозном мире, в обоих заключается возможность большей или меньшей эволюции Духа. Каждому поэтому нужна та пища, которая способствует его эволюции.

Вы не можете питать детский ум пищей, которая необходима взрослому, точно так же, как и телу его нужна другая пища, а не та, которая будет поддерживать его в зрелом возрасте. Но такой взгляд допускает идолопоклонство. Это значит, что вы желаете сохранить высшую духовность, рискуя быть непонятыми теми, кто не желает вникнуть в смысл внешнего образа. Самый идол имеет разное значение, смотря по тому, какой смысл придает ему верующий. Идол крестьянина, это самая элементарная форма, которой он поклоняется, которую он кропит водой, возлагая на нее цветок и звоня перед ней в колокол. Для брахмана было бы унижением поклоняться такому божеству. Поклонение же крестьянина перед этим идолом, пробуждая в нем веру и любовь, откроет ему путь к жизни духовной. Если вы будете излагать перед ним отвлеченные идеи брахмана, он будет стоять с разинутым ртом, не понимая, что это значит. В сердце его не возникнет никакого колебания жизни духовной. Оставьте этому человеку его идола и дайте пробудиться в нем первому трепету духовного стремления. С этого начнется его духовная эволюция, она покажет себя; через ряд существований он поднимется все выше и выше, пока Душа, начавшая со звона колокола перед неотесанным чурбаном, не предстанет перед лицом Бога и, погрузившись в вечное Его сияние, не найдет себе обители у подножия Лотоса Махадевы. Этого можно достигнуть, если признать, что Душа готовится к этому целым рядом существований.

Если вам предстоит одна жизнь, за которой следует вечное пребывание на так называемых небесах, вы должны спешить, так как иначе душа ваша на небе может очутиться в совершенно непонятном ей состоянии.

Чтобы показать вам, как можно использовать идолопоклонство, я приведу опять знакомый вам пример: изображение Махадевы на своей колеснице Нанди, на быке. Когда наступает праздник, изображение бога ставится на его колесницу и возится по улицам города. Это видят люди, находящиеся на разных стадиях эволюции, и в каждом уме возникает особое представление. Возьмем снова толкование, которое приводят Чандогья упанишады.¹⁷ Там говорится, что Брахман сидит на быке, но я беру более знакомый образ Махадевы на Нанди. Что это значит с точки зрения народного представления? Я буду приводить тексты. Бог олицетворяет собой небо, в котором теологи видят только внешний образ небесного свода, символ величия и пространства. Какой более внушительный символ, чем свод небесный с его солнцем, луной и звездами можно выбрать, чтобы дать понятие о бесконечности и беспредельной жизни уму ограниченному?

Такому человеку, если он имеет малейшее понятие о символах, бог всегда будет представляться вверху на небесах, бык, на котором он едет, будет символом мира, а ноги быка каждая из которых носит особое название, укажут ему путь, по которому движется вселенная. Одна нога будет Агни, или огонь, другая — Вайю — бог ветра, великое дыхание Господа на языке возвышенном, третья — солнце, сияющее и освещающее мир, а четвертая — четыре стороны неба.

Неразвитой ум увидит в этом символе все эти понятия, если кто-нибудь объяснит ему идею склоненного над ним, наподобие свода небесного, Божественного Провидения, которое покоится на проявленном мире. Солнце, огонь, ветер и страны света представятся ему под видом четырех ног быка, которые несут бога вперед, поддерживают и направляют всю жизнь проявленного мира. Многие из вас захотят отыскать в этом более тонкий смысл, и вы поймете его, если поклоняетесь Духом. Для вас бог будет тогда человеческим разумом, а Бог, едущий на колеснице, — разумом, пребывающим в теле. Ноги быка не утратят смысла, ибо одна будет означать речь, другая — дыхание, третья — зрение, четвертая — слух. Шанкарачарья говорит, что подобно тому, как ноги быка ведут его, куда ему угодно, так и разум достигает, чего хочет, посредством речи, дыхания, зрения и слуха. Чувства эти приводят тело и заключенную в нем Душу в соприкосновение с внешним, материальным миром. Через эти четыре ноги быка, т. е. через чувства человека, проникает, таким образом, в Душу то знание, которое она пришла искать в этом мире проявлений.

И, когда идол проезжает по улицам, вы понимаете его смысл, и он напоминает вам о воплотившейся Душе. В этом заключается еще более глубокий смысл, но на него нет прямых указаний. Но я могу помочь вам разъяснить этот смысл.

Представим себе, что бог изображает саму Божественную Сущность, тот Дух, которого мы ищем, высшее проявление, — назовите его Брахманом, Шивой, Вишну, как угодно, — признайте только то Единое Все, нераздельное, которое подразумевается под этим именем и изображено идолом. Что означают тогда ноги быка? Они будут означать те состояния сознания, посредством которых Душа может подняться до своего Творца. Это те стадии, по которым Душа все ближе и ближе подходит к всемирному Духу, пока не сольется с ним воедино. Одна из ног — это состояние бдения, когда Душа движется и живет днем; другая нога — это состояние Свапна, о котором мы говорили вчера. Это вторая ступень на пути

Души к Божеству. Третья нога — состояние Сушупти, она еще ступенью ближе к Богу, и последняя представляет собой Турия, то состояние, по выходе из которого Душа сливается с Богом. Вот какую высочайшую концепцию духовной философии выражает этот символ для развитого ума. И когда в Мадурском храме я прохожу мимо изображения священного быка, в моем внешнем сознании снова возникает воспоминание о знакомом мне высоком толковании этого символа. Бык для меня уже не простая, высеченная из камня статуя, но голос, напоминающий мне учение о состояниях сознания и о том высшем пути, который приводит к Богу.

Идол представляет вам то понятие, которое вы сами вкладываете в него. Если в вас самих нет духовной жизни, которая придает идолу реальное значение, вы не имеете права смеяться над идолопоклонством. Оно для вас пустое слово только потому, что пустота эта в вас самих.

Обратимся теперь к Пуранам, которые полны самых сложных и непонятных истин. Для разъяснения их прочтите, как Блаватская разбирает в своей Тайной Доктрине один из мифов. Метод ее разбора даст вам ключ к разгадке многих других тайн. Я привожу только один из многочисленных примеров, которые Блаватская берет из Пуранических Писаний. Я возьму сказание о Марутах.¹⁸ Я не буду разбирать его подробно, вы сами можете прочесть это сказание о богах ветра и детях Ревущего Рудры, которые изображают из себя силу ветра и голос явлений природы. Прежде всего это означает, что во всякой силе природы кроется разум и все явления связаны с ним. Очевидно, что в простейшем смысле эти Маруты не что иное, как отдельные существа, которые заведуют известными формами проявлений. Если вы понимаете язык и свойство этих существ, вам становятся понятны и те явления, которыми они управляют. Маруты не могли стать предметом поклонения человека развитого. Это только силы, которыми он управляет по желанию. Ни один Риши не поклоняется Марутам; он повелевает ими. Все же они существа реальные, имеющие в Космосе свое место среди Дев, которые составляют духовную сторону всякого наблюдаемого вами явления.

Если вы позабудете эту основную истину оккультизма и, изучая явления природы, будете смотреть на них как на таковые, и не видеть за ними Духа-повелителя, вы по своей вине остаетесь слепыми при наблюдении природы. Тогда материя одержит победу над Духом, ибо скроет Дух не только от физического зрения, но и от того Духа, который заключен в самом человеке.

Маруты в низшем значении являются существами, связанными с миром атмосферическим; они непосредственно вызывают ветер и подчинены развитой и очищенной воле человека. Они имеют и другое значение, когда являются уже не отделенными существами в Космосе, а под видом детей Рудры, того Рудры, который снова появляется в образе Шивы и Маха-Йога. Что же означают эти дети йога, девственного аскета? Тут они уже означают его чувства, являются символами тех сил, которые он обуздал в себе. С этой точки зрения, это враги человека, и вначале он борется с ними. Поднимаясь в высшую область, эти дети низшей природы аскета, эти страсти, которые он должен был подчинить себе, становятся уже детьми его высшей природы, раз низшая подчинилась очищенной воле аскета. В нем самом заключены все силы, посредством которых он воздействует на мир внешний.

Вы читаете дальше, как Индра пытается их уничтожить, так как должен родиться ребенок, которому суждено уничтожить самого Индру. В этом последнем смысле Индра изображает низшее проявление природы, носителя грома, бога неба, это символ проявленного вещественного мира. И так как ребенок, который рождается, должен его уничтожить (слова Марут), Индра бросает громовую стрелу, которая рассекает зародыш в чреве на семь частей, причем каждая делится еще на семь. Тут низшее помешало развитию высшего и обратило в низшие формы те силы, из которых должна была вырасти развитая и очищенная воля.

Собрав постепенно все эти символы, разбросанные в Пуранах, вы увидите, что из понятия о Марутах можно извлечь весьма полезные указания, которые послужат вам руководством при переходе ваших низших сил в высшие и превращении Кармы, которая творит физически, в желание, служащее в Духе источником всякого прогресса и праведной жизни.

Я упоминаю об этом для тех, кто пожелал бы изучить этот вопрос. Если вы хотите идти далеко в этом изучении, вы должны обратиться к великому, посланному нам учителю — Е. П. Блаватской. Но читайте ее как следует, изучая в то же время и ту науку, которую ей было дано преподавать нам. Знакомясь с её толкованиями, вы получаете ключ к дальнейшему знанию и можете оказать миру неоценимую услугу. Вы можете приложить к чтению ваших Священных книг точное знание, какого не было у неё; можете читать их в оригинале по санскритски — язык, которым Блаватская не владела в совершенстве, — и на этом языке богов узнаете сокровенный смысл Писаний, освещая их тем светом, который она дала вам в руки. Вы можете потом поведать это миру и продолжать то дело, которое ей было дано начать, но не кончить.

Те, Кто послали её, надеялись, что раз будет дан толчок, найдутся в Индии люди, которые устремятся к свету и, взяв светоч из рук ее, понесут его перед собой, извлекая из Священных Писаний необходимое для мира духовное знание. Если найдется здесь хоть один человек, которого это вдохновит и подвинет на изучение, я скажу, что жизнь ее здесь не пропала даром. Наградой ей послужит малейший толчок, который пробудит духовную жизнь мира.

Я могу подобным же образом разъяснить вам и другие символы, указав вам еще на многое другое.

Рассмотрим самый простой на взгляд символ — шнур брахмана. Что он изображает собой? Каково должно быть его значение? Это символ троякой природы человека: низшей, средней и высшей. Он служит символом тех трех планов сознания, о которых я говорила вчера. Это символ трех состояний Атмы, о которых я тоже упоминала. Он служит кроме того символом тела, речи и ума. Вникните в это и подумайте, что означает ношение этого шнура? Всякому известно, кто его носит, и символ этот представляется человеку священным или презренным, смотря по тому, видит ли он в нем реальный смысл или же ложь.

По отношению к телу, речи и уму шнур означает подчинение их; если на шнуре завязаны узлы, это означает, что человек овладел телом, речью и умом своим. Вы представляете себе, что человек, носящий шнур, вполне владеет собой, ни тело, ни

чувства не имеют над ними власти; он никогда не оскорбит словами ничьего слуха, он говорит только тогда, когда ему есть что сказать и оно достойно быть высказанным. Никогда не произносит он недоброго слова, ибо брахман — друг всего живого, и речь его должна не вредить, а помогать людям. Шнур означает, что человек овладел не только телом и речью, но и умом своим. Он связал ум этой тройной веревкой с узлами, чтобы он служил всему, что есть в нем наивысшего и помогал бы тому народу, к которому принадлежит брахман. Он не имеет права на личное существование, он живет не для себя, а для народа. Если он будет преследовать цели личные, он не настоящий брахман, даже если он носит внешний знак своей касты — тройной шнур, произносит священное имя, подчиняется всем правилам своей касты. Только если он живет не для себя, а для мира, он будет настоящим брахманом, духовным служителем мира.

Он вышел из уст Брахмы, чтобы провозглашать среди людей Божественную истину. Вот в чем состоит значение брахмана, и когда я вижу шнур этот, я спрашиваю себя, имеет ли человек право носить его или же совершает кощунство, нося его только для виду, в силу обычая, сохранившегося с древних времен.

Падение сверху вниз — это худшее из падений, это отравление мира, ибо такое падение отравляет в человеке духовную жизнь. Слова эти могут показаться вам строгими, но они от того же Духа, на котором основаны древние Писания.

В Ману, в Махабхарате, во многих Пуранах высказываются те же мысли, и если они кажутся в наши дни горькой иронией, то это только потому, что я в новом мире говорю древние слова и противоречие между предписаниями и поступками чересчур уж разительно.

Но если истинны предписания, я, отверженная среди вас, признавая их, не предъявляю к вам никаких требований. Я не имею на это никакого права в моем теперешнем положении, я только свидетельствую перед вами, что признаю касту, выражающую святость Брахмана. И если Индии суждено возродиться, то возрождение это осуществится через касту, которая является символом ее прошлого и несет в себе обет для будущего, каково бы ни было настоящее.

Когда же мне предлагают приступить к реформам, я отвечаю: Я готова служить и помогать вам, понуждая вас к этому, если вы этого желаете, но во главе реформ пусть станет та духовная каста, которая имеет на это право, чтобы обновление совершилось без разрушения, без потрясения тех основ, на которых зиждется жизнь народа.

Мои слова могут показаться вам несправедливыми по отношению к вам; вы лично не виноваты в падении страны; но вы, отдельные личности, составляете часть великой нации и участвовали вместе с ней в ее падении.

Что же мне сказать вам, братья брахманы, вам, которых я должна бы звать отцами? И если я не называю вас так, это потому, что знаю многое, что неизвестно вам. Я, отверженная, должна была бы как ученица сидеть у ног ваших, но я не могу сделать этого, ибо вы не обладаете тем знанием, какого вправе требовать ученик от своего учителя, когда склоняется перед ним.

Я взываю к вам, члены духовной касты, чтобы вы признали ее падение и подняли бы ее. Если я обращаюсь к вам со словами горькой укоризны, это потому, что в руках ваших будущее этих людей. И если вы пали вместе с народом, у вас все же осталось довольно силы, чтобы начать путь восхождения.

Если цели можно достигнуть только трудами многих поколений, то почему бы вам не начать этого сегодня же. Я отлично понимаю, что нельзя ничего сделать в одну минуту и вашему шнуру суждено оставаться еще некоторое время пустым знаком, лишенным значения, и чем благороднее вы сами, тем более вы чувствуете эту иронию. Вы понимаете смысл символа и сознаете, как низко он пал. Я не упрекаю вас. Кто я, чтобы сместь это делать? Я только питаю надежду, что в ком-нибудь из вас зародится желание вести более высокую жизнь. Я буду метать громы и молнии, напоминая вам о горечи унижения, и, быть может, люди сознают возможность восхождения на более высокую ступень. Я бы хотела, чтобы каждый из вас, сознавая и чувствуя свое падение, не сбросил бы с себя священного шнура, но оправдал бы его ношение, стараясь очистить свою жизнь. Начать с малого — это уже сделать первый шаг по пути восхождения. Могущественной касте предстоит еще столько новых жизней и воплощений, что она еще может дожить до восстановления своих славных традиций.

Пусть же каждый берет свою чашу Кармы и мужественно несет ее перед собой, как это делают мужественные люди. Не будем жаловаться на тяжесть своей Кармы, — мы сами создали ее такой своим прошлым. Выпьем ее до дна, как бы горька она ни была! Пусть горечь ее очистит нашу душу, и мы почерпнем в ней силу изменить себя. С этого и начнется духовное возрождение народа.

Когда же мы вернемся на землю при новом рождении, — а это совершится скоро, если мы желаем помочь своему народу, — мы увидим, что все здесь хоть немного улучшилось. И когда у тех, кто носит тройной шнур, мысль не будет расходиться с делом, тогда мы получим возможность работать единократно и, пройдя целый ряд существований, поднимем за собой народ, павший вместе с нами.

Последние слова мои к вам здесь будут звучать не упреком, — я выскажу в них нашу общую скорбь и стремление поднять Индусскую нацию. Мы ответственны за нее. Начнем же дело преобразования, и пусть поколение за поколением работает, пока Индия не поднимется постепенно и не станет там, где она должна быть — у подножия Великих Богов.

Она и будет там, если не сейчас, то со временем, свет от подножия Лотоса осияет ее, весь мир будет поклоняться ей и сознает, что она поистине Дух в теле всего человечества!

Примечания

1. Чандогья Упанишада, VIII, I, 3.
2. Таиттрия Упанишада, Брахмананда Валли, 1-ая Анувака.

3. Недавно скончавшийся индусский мыслитель, член Теософического общества, автор комментариев к Бхагавад-Гите и многих философских статей. (прим. ред.)
4. Мундака Упанишада, II, I, 3.
5. Тайная доктрина, I, стр 398, 427, 428
6. Тайная доктрина, I, стр.138 и 162.
7. Буквально: «Бог работает геометрически».
8. Мундака Упанишада, II, 1, 2.
9. Шветашватара Упанишада, V, 6.
10. Катха Упанишада, I, III, 14.
11. См. Десять Прахетасов, сыновья Прахиналархиса. Вишну Пурана, кн.1, гл. XIV-XV. Брахма Сутрас Адхьяя, III. Сутра 32 и комментарии на это Шри-Шанкарачарьи.
12. Прашна Упанишада, III, 3 — 5.
13. Мундака Упанишада, i, II, 4.
14. Глубокими традициями обладает и наша Православная Церковь. Этому вопроса А. Безант касается в статье «Догматизм и Мистицизм». (прим. ред.)
15. В этом тексте слово «астральный» употребляется как «эфирный». Хотя это точно в лингвистическом отношении, однако в настоящее время термин «астральный» чаще употребляется в том значении, в котором здесь употребляется «сукшмопадхи». (прим. ред.)
16. Ученик, предающийся медитации, может созерцать точку, линию, крест, свастику и изучать их отношение к третьему Логосу.
17. Чхандогья Упанишада, III, разд. XVIII, 1.
18. Тайная доктрина, II, 613 и далее и 648 и далее.

Перевод С. Татариновой

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

